

Лев Голубев-Качура

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИНКОВ В КОСМОСЕ

Том первый

Лев Голубев-Качура

**Фантастические приключения
инков в космосе. Том первый**

«Издательские решения»

Голубев-Качура Л.

Фантастические приключения инков в космосе. Том первый /
Л. Голубев-Качура — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933745-0

Мысль написать роман о космических путешествиях возникла у меня давно, ещё в 80-х годах прошлого века, то есть после полёта Ю. Гагарина и посещения американцами Луны. Я решил ещё покопаться в научных статьях и... Так родился замысел историко-приключенческого фэнтези о приключениях инков в космосе.

ISBN 978-5-44-933745-0

© Голубев-Качура Л.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Словарь иностранных слов встречающихся в романе	7
Глава первая	8
Глава вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Фантастические
приключения инков в космосе
Том первый**

Лев Голубев-Качура

© Лев Голубев-Качура, 2018

ISBN 978-5-4493-3745-0 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-3746-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Начиная с прошлого века, кто только не побывал в космическом пространстве: русские, американцы, индусы и казахи, французы и многие другие представители рода человеческого.

А вот индейцев..., индейцев до настоящего времени не было, так мне кажется. Или я что-то пропустил? Всё же давайте попробуем разобраться.

Вы прекрасно помните по урокам истории, что индейская цивилизация ИНКОВ как-бы появилась ниоткуда! Но ведь такого не может быть, воскликните вы! Как это ниоткуда?! Да такого не может быть даже в принципе! И Вы, возможно, будете правы, а возможно и нет!

По сей день между учёными всего Мира ведутся споры о возникновении цивилизации ИНКОВ: Откуда они? Почему? Как? И никто ещё не сумел, более-менее правдоподобно объяснить их появление. А сколько легенд, версий, предположений ходит по миру! Особенно много о появлении цивилизации ИНКОВ распространено в Южной Америке! Не счесть!

И я подумал, а почему бы и мне не пофантазировать на тему: «Откуда вы, ИНКИ?» Инки – это здорово! – решил я, и в результате... – «Фантастические приключения инков в космосе».

Словарь иностранных слов встречающихся в романе

- МИЛЯ (морская. английская) – мера длины, равная – 1852 м.
сухопутная – 1610 м.
географическая – 7420 м.
- ЯРД (англ.) – мера длины, равная 0,9144 м., делится на три фута. ФУТ (англ. – ступня)
– мера длины, равная 12 дюймам или 30,479 см.
- ДЮЙМ (англ.) – мера длины, равная 2,5399 см.
- ФУНТ (англ.) – мера веса, равная 453,6 гр.
- ВИРАКОЧА (кечуа) – Бог-демург – властитель всего сущего.
- ИНТИ (кечуа) – Бог Солнца.
- Мама Килья (кечуа) – Богиня луны – жена ИНТИ.
- Мама Пача (кечуа) – Богиня земли.
- Мама Кочи (кечуа) – Богиня моря.
- ИЛЬАПА (кечуа) – Бог грома и молний.
- Око-Пака (кечуа) – АД – (холод и голод).
- Атун Апу (кечуа) – бригадный генерал.
- Авкак пусарик или Апу (кечуа) – капитан, господин.
- Авкакнинта суйучак (кечуа) – сержант.
- Льока Синчи (кечуа) – первый Инка на Зелёной Планете (5 тыс. лет до н. э.)
- Сапа-Инка (кечуа) – Верховный правитель и судья или «Единственный Инка». – Ко роль.
- Пачака (кечуа) – Министр Двора.
- Турикук (кечуа) – смотритель селения (управляющий), поставленный Инкой над местными жителями.
- Митимайя (кечуа) – переселенец, колонист.
- Пурик (кечуа) – учётная человеческая единица, взрослый, дееспособный мужчина, имеющий домохозяйство и способный платить налоги.
- Кацик (инд.) – староста тольдерии (деревни).
- Репликант (биоробот) – робот, похожий на человека, но превосходящий его по силе.

Глава первая ГИБЕЛЬ ТОЛЬДЕРИИ

Мигель, почти обессилевший от двухдневного полуголодного существования, нет-нет, да поглядывал на щель в горе, которая образовалась после последнего землетрясения, сопровождавшегося осенним ливнем и ураганным ветром.

Природа заканчивала отсчитывать одну тысячу третий год по солнечному календарю, а он девятнадцатый день рождения. Ещё один год, ещё каких-то триста шестьдесят пять дней, и он прошёл бы испытание на зрелость, стал бы полноправным Пуриком. Так нет же! Вместо того чтобы сидеть в хижине, наслаждаться теплом, и радоваться такому радостному событию в своей жизни, он не выдержал. Он в тот злополучный день, последний день сезона муссонов, несмотря на морозящий дождь, сменивший трёхдневный, непрекращающийся ливень и ветер, вместе с несколькими жителями деревни отправился со стадом Лам и коз ближе к вершине горы.

И вот, в самый последний момент, когда горное озеро вдруг со страшным грохотом провалилось, успел лишь укрыться за огромной, вросшей в гору, скалой.

Ему повезло! Ему всё-таки здорово повезло! Он первым увидел надвигающийся на них водяной вал, первым успел крикнуть остальным об опасности и, одновременно, броситься под защиту скалы, чтобы поток воды не унёс его вниз. Кто, на свою беду, не нашёл себе укрытия, того смыло, бешено несущейся, всё сметающей на своём пути, бурлящей водяной лавой.

В этом грозном, мчащемся со страшной скоростью потоке, проносились тела коз, Лам и людей, тщетно пытавшихся бороться за свою жизнь.

Мигель, отгороженный скалой, как плотиной, от плюющей брызгами, кипящей от злобы воды, не видел, как она, желто-коричневая, стремительно падала из небольшого озера, расположенного в узком ущелье между двух горных вершин. Не видел, как она размывала слабую породу и постепенно обнажала зев в горе.

Он в это время, держась изо всех сил руками за выступ в защищавшей его скале, молился богу, чтобы руки не ослабели, и его не вынесло в середину грозного потока.

А поток, обтекая скалу, эту природную защиту людей от смерти, кружась и взвихриваясь жёлтой пеной, гремя валунами и вырванными с корнем деревьями, нёсся вниз, уничтожая всё на своём пути...

Прошло, по крайней мере, не менее часа, как Мигель и другие, пятеро, находились в плену у разбушевавшейся стихии. Они стояли, ухватившись за выступы скалы, не смея пошевелиться. Они стояли по пояс в ледяном водном водовороте, и сверху их поливал дождь.

Иногда под их ногами, словно пытаясь освободиться от чего-то неприятного, вздрагивала земля. А может ей было так же холодно и неудобно от всепроникающей влаги, как и им, этим невольным пленникам стихии.

От долгого напряжения и невозможности хоть на мгновение расслабиться, у Мигеля начали неметь руки. Онемение началось от плеч и, растекаясь по рукам всё ниже и ниже, постепенно приближалось к кистям, и он понял, как только немеют кисти рук, то в тот же момент закончится его борьба за свою жизнь.

Безжалостный поток оторвёт его от скалы и, крутя, швыряя на камни, разрывая тело об корневища деревьев, понесёт, бездыханного, в неизвестность, а грифы, эти прожорливые стервятники, растерзают остатки его тела. А может ему всё же повезёт, и он будет завален обломками камней и стволами деревьев? Тогда им ни за что не добраться до его останков.

Трясаясь от холода и страха, боясь хоть на мгновение расслабить хватку рук, он лишь молился Богу Инти, чтобы тот простил ему грехи и, если пожелает чтобы он умер, то пусть это будет лёгкая смерть, без мучений.

На расстоянии вытянутой руки от него стояла, прижавшись всем телом к холодной скале и судорожно вцепившись в неё руками, его подруга детства, Мария, с которой он частенько пас на этом взгорье скот. И Мигель, чуть повернув голову, видел и понимал, что она держится из последних сил.

Лицо её, с мелкими чертами и большими, широко расставленными, как у местных индейцев, глазами, посинело от холода. Взгляд её был обращен к нему, и в нём явственно читалось – я не могу больше, ещё немного и меня оторвёт от скалы! Помоги мне!

Он всей душой хотел бы принять на себя её страдания, но как? И он, чуть не плача от бессилия как-то помочь ей, смотрел ей в глаза и шептал: «Держись милая! Держись изо всех сил! Не может ведь это продолжаться целую вечность! Ещё чуть-чуть и эта треклятая водная карусель прекратится! Если ты отпустишь эту чёртову скалу, тебя тут же унесёт поток... Тогда я..., тогда я тоже перестану сопротивляться, и сам брошусь за тобой... в эту чёртову круговерть. Клянусь!».

Часа через полтора, показавшимися ему вечностью, поток, низвергающийся из переполненного из-за многодневного ливня озера, резко пошёл на убыль, и Мигель понял, ему, и остальным, невероятно повезло – они останутся жить!

Он посмотрел на находящиеся рядом с ним людей, таких же мокрых, облепленных грязью и дрожащих. На их лицах: лицах трёх мужчин и двух женщин, бледных от страха и холода, появилась, наверное, как и у него, слабая улыбка надежды. Они тоже поняли – в этот раз стихия пощадила их!

Мигель выглянул из-за скалы чтобы убедиться, что им ничто не угрожает, а затем, ослабив судорожно сжатые пальцы, обернулся назад. Сквозь пелену мелкого, словно просеянного через сито дождя, были видны только огромные, перемешанные с вырванными с корнем деревьями, валуны. Тольдерия (деревня), расположенная в семистах-восьмистах ярдах ниже, где проживал он и его родственники, исчезла, словно её никогда и не было, с лица земли. Он, и эти мокрые, дрожащие от страха люди, остались одни!

* * *

Они были из одной деревни, и знали друг друга очень хорошо, а Игнасио и Хуанита даже были его ближайшими родственниками.

В их тольдерии, состоящей из двух с половиной десятков казуч (хижин из адобес – кирпичей обожженных на солнце), проживало около ста пятидесяти человек – считая стариков, женщин и детей. Все они были потомками индейцев и испанцев, завоевавших их земли. Они жили тем, что обрабатывали небольшие клочки земли, пригодной для посадки маиса и картофеля, и разводили коз и Лам – горное животное, заменяющее и барана, и быка, и лошадь, способное жить там, где не смог бы выжить даже мул. И всё это перестало существовать за каких-то полтора-два часа...

О, Виракоча! – ужасаясь, простонал Мигель. Ооо!

Если бы какой-нибудь путник проходил в это время здесь, он ничего бы не увидел кроме нагромождения камней и переплетённых корнями, переломанных, с ободранной корой, деревьев, тянущихся языком из горного ущелья. А ещё бы он увидел по бокам этой реки смерти, трупы погибших животных.

И как бы тщательно он не осматривался вокруг, он не увидел бы ни тщательно обработанных полей, ни казуч, ни людей. Одни лишь только грифы, несмотря на морозящий дождь, чувствующие за много миль приход смерти, кружились в воздухе и, посматривая вниз, готовились к кровавому пиру...

– Что с нами будет? – слышался чей-то дрожащий, совершенно не узнаваемый голос. А другой, теперь уж точно мужской, ответил:

– Не знаю! Нужно спуститься на место деревни, может кто-то остался в живых... Надо посмотреть и поискать.

– Кто может остаться?! – полувопросительно, полуутвердительно, пробормотал Мигель, ещё раз окидывая взглядом окружающее пространство. Разве не видите – деревни нет! Мы одни здесь...

– Всё равно нужно пойти и поискать! – настойчиво повторил тот же мужской голос.

Теперь Мигель узнал его. Это говорил Родригес – двадцатипятилетний коротышка, сын кацика – старосты их деревни, и соперник Мигеля во всём, даже в любви к Марии.

Родригес, повернувшись к рядом стоявшей девушке, пытался взять её за руку, а она, всё ещё бледная и дрожащая от только что пережитого ужаса, смотрела вокруг ничего не понимающими глазами, и только две слезинки, а может быть это были капли дождя, скатывались по её щекам.

Мигель, не произнеся ни слова, отвернулся от них, и пошёл не вниз, прямо к деревне, а в сторону.

Все, кроме Родригеса, потянулись за ним.

По колено в жидкой грязи, обходя валуны, а кое-где оскальзываясь, перескакивая с одного на другой, он упорно продвигался подальше от скалы.

Эй! Услышал он сзади голос своего соперника, вы что, ослепли? Зачем за ним пошли? Деревня внизу!

Пришлось ответить.

– Выберемся из грязи, тогда и пойдём вниз.

Продолжая выдирать ноги из жидкой глинистой каши, и шаг за шагом продвигаться вперёд, даже не обернувшись, громко добавил:

– Если идти вниз, то мы можем поломать ноги.

С трудом преодолев препятствие, вышли к полосе кустарников и, не сговариваясь, разделились, на две группы – мужчины и девушки, чтобы выжать промокшую насквозь одежду.

Дождь, казалось, почувствовал, что людям теперь он не страшен, перестал сыпать с неба, а вскоре среди туч появились просветы. В воздухе потеплело.

Окоченевшие от долгого пребывания в воде, но живые, страдальцы наконец-то смогли хоть немного согреться. Холод начал понемногу покидать их тела, а дрожь уменьшаться.

Мигель, чтобы поскорее согреться, стал подпрыгивать и похлопывать себя ладонями. Это помогло. Вскоре он почувствовал, что его мышцы вновь могут работать, а боль из них ушла.

Тело от энергичных движений и похлопываний постепенно разогрелось, и на душе стало как-то веселей.

Правда, нужно идти к деревне, мысленно вернулся он к предложению Родригеса: может, действительно, кто-то уцелел, хотя... и он ещё раз посмотрел в сторону тольдерии – нет, это совершенно невозможно.

В ожидании, пока его односельчане: муж с женой – Игнасио и Хуанита, а также Родригес, Хосе, и шестнадцатилетняя, большеглазая Мария, будут готовы продолжить путь, он произвольно стал думать о ближайшем будущем оставшихся в живых людей, и о своём тоже.

У них нет крова над головой, нет одежды и, главное, у них нет продуктов, а если бы они даже были, нет огня, чтобы разжечь костёр и приготовить хотя бы мало-мальски съедобную пищу. Хорошо ещё, что у мужчин есть мачете. Спать, конечно, придётся на сырой земле, завернувшись в мокрые, пока не высохли, пончо. Сколько времени они выдержат такие условия жизни? Неделю? Две? А дикие собаки? Сейчас их здесь нет – куда-то ушли, но они в любое время могут вернуться! Что, тогда? Даже представить страшно!

– Пошли, что ли! – вывел его из задумчивости голос Игнасио, мужа его двоюродной сестры – крепко сбитого парня, ростом не менее шести футов и очень сильного.

Вот так всегда, вздрогнув от неожиданности, подумал Мигель об Игнасио. Подойдёт так тихо, что даже шагов не услышишь. Не зря про него говорят, что он лучший охотник. Мне бы так научиться ходить.

Все уже были готовы к движению, и Мигель последовал за Игнасио.

Так, цепочкой, они и двинулись вниз, к несуществующей теперь деревне.

Продвигались молчаливой группой, лишь изредка слышалось, как кто-нибудь чертыхался, продираясь сквозь колючий кустарник.

Прошли ярдов четыреста-четыреста пятьдесят, а слева всё то же: сухая река из камней, стволов деревьев с обломанными ветками и ободранной корой, но только здесь она была раза в два шире. По-видимому, поток на равнинной местности, оперевшись в селение как в стену, расширился, а затем, сметя его со своего пути, помчался дальше. Что для него каких-то там два-три десятка казуч из глиняных кирпичей?

Вместе – землетрясение, и освободившийся из природой созданного заточения, стремительный, разрушающий как таран всё, что может встретить на пути водный поток – эта мешанина из деревьев, камней, трупов и глины – за какие-то мгновения разрушили всё то, над чем люди трудились не один день.

* * *

Не останавливаясь, осиротевшие и голодные, они всё шли и шли, и не было впереди ничего, кроме смерти и разрушения.

То тут, то там, виднелись трупы погибших животных и облепившие их, словно мухи, грифы, не боявшиеся бредущих людей, и уже приступившие к трапезе. Для них это был день праздника, а для нескольких, оставшихся по воле Виракочи в живых, людей – день скорби и стенаний! Страшный день!

Дойдя до разрушенной деревни, они приступили к поискам.

Как ни напряжённо не прислушивались они к тишине уходящего дня, как ни всматривались они в окружающий их хаос, ничего, кроме клёкота стервятников не было слышно и не видно. Ни одного человеческого голоса, взывающего о помощи, или хотя бы стоны, не услышали они. Вокруг витала только смерть!

Развалины деревни стали общей могилой для всех: мужчин, женщин, детей! Погребённые под грудой камней и деревьев, они хорошо были укрыты от голодных хищников и прожорливых стервятников.

Ооо! О Виракоча! Неужели никто не смог спастись?! – обхватив голову руками и плача, спросила Хуанита у того «Кто Выше всех». Неужели мои отец, мать, сёстры и братья погибли такой страшной смертью? Инти, дай им место в своей обители! Они своей праведной жизнью не заслужили, чтобы ты отправил их в Око-пака и подверг их души голоду и холоду...

– Хуанита! Перестань рыдать. Все мы в руках Виракочи! – стал успокаивать её Игнасио. Теперь нужно думать о живых...

– Верно он говорит, – подал голос Хосе, вытянувшийся до пяти с половиной футов, худой донельзя, тринадцатилетний брат Марии, – не трави душу, тётя Хуанита.

Он стоял рядом с сестрой и, держа её за руку, независимо, как взрослый, исподлобья посматривал на всех. Казалось, он всем своим видом хотел продемонстрировать свою готовность и решительность защищать сестру от любых невзгод.

Мигель, сначала удивился словам мальчика, а потом понял – Хосе пытается таким образом успокоить сестру, и скрыть свой собственный страх перед неизвестным будущим.

Ну, что же, он правильно делает, решил Мигель. Так должен поступать любой мужчина в сложной ситуации. Ему тринадцать, и если бы не гибель деревни, через пару лет он бы прошёл

испытание на юношескую зрелость, и поднялся бы на следующую ступень к взрослости и праву голоса при принятии обществом решений...

* * *

Пока светло, давайте спустимся ярдов на пятьсот, предложил Мигель после небольшого раздумья. Может, всё-таки найдём кого-нибудь, а нет – значит, действительно, все погибли. Кроме того нам, в ближайшее время, необходимо подумать об укрытии на ночь.

– Пошли, – проговорил Игнасио и согласно кивнул головой, как бы подтверждая правильность предложения.

– Куда пошли?! – закричал Родригес. Все погибли! Я голоден, и вы, все – тоже! Я знаю! Я никуда не пойду...!

– Как хочешь! – равнодушно согласился Игнасио, и после небольшой паузы добавил, – сидя здесь ты всё равно еды не найдёшь и не защитишься один от диких собак. Так что, догоняй!

И, больше не сказав ни слова, отвернулся и, делая широкие шаги, стал догонять ушедших вперёд односельчан.

Шли не очень быстро. Давала о себе знать накопившаяся за день усталость, да и голод всё больше и больше терзал путников. Хорошо хоть вода была рядом. Им не приходилось страдать от жажды. Небольшие лужи и водоёмчики, образовавшиеся в заторах камней, обеспечивали их водой.

Мигель внимательно посматривал по сторонам, надеясь увидеть хоть что-то съедобное, но пока безрезультатно.

С этой стороны каменной реки их деревня, бывшая деревня, поправил он себя, не обрабатывала землю. Здесь была сплошная скала и ни клочка пригодной для посевов земли. Сюда, из-за отсутствия какой-либо растительности, даже козы не убегали, чтобы попасть. А вот Холинас – опаснейших гадюк, от укуса которых менее чем через час погибает даже лама, здесь плодилось множество. Находясь здесь, человек рискует быть укушенным, и ничто – никакие травы, никакие заговоры не смогут спасти его от неминуемой смерти.

Мигель, совершенно случайно, не подумавши, а может быть, в силу страха перед стихией и заторможенности ума от холода, вывел людей не на ту сторону от скалы. А они, тоже от страха и помрачения рассудка, не задумываясь, последовали за ним.

Сейчас, ведя за собой уставших, голодных людей, он казнил себя за недалёковидность и невозможность как-то исправить положение. Выйди они на противоположную сторону, они, хотя бы были обеспечены сырым картофелем, а так...

Переживания Мигеля прервал раздавшийся громкий вскрик Марии. Он резко обернулся и увидел, как она, наклонившись, рассматривает свою ногу. Лицо её быстро начало бледнеть, глаза, и так огромные, округлились, и она, переводя взгляд с одного спутника на другого, испуганно закричала:

– Меня укусила гадюка! Помогите!!!

И столько страха было в её лице и голосе, что Мигель, ни секунды не раздумывая, не думая о последствиях, в два огромных прыжка оказался рядом с ней. Быстро уложив её на всё ещё не просохшую от дождя землю, он наклонился к ранке на ноге. Капелька крови скатывалась по её изящной лодыжке. Склонившись ещё ниже, он припал ртом к месту укуса, и бесстрашно начал высасывать яд, попеременно сплёвывая кровь изо рта.

Дай посмотрю! Услышал он, и тяжёлая рука Игнасио легла ему на плечо. Приподняв голову, Мигель увидел – все собрались вокруг них, у всех были побледневшие лица, и все они с тревогой, явственно проступившей на лицах, наблюдали за его действиями. А Мария, своими изумительными глазами, и затаив дыхание, с надеждой смотрела на него.

Игнасио всего лишь мгновение рассматривал кровоточащую ранку на ноге девушки, затем, выпрямился, и довольно таки спокойным голосом произнёс: «Это не укус гадюки. У гадюки два ядовитых зуба по бокам челюсти, а у тебя Мария, ранка одна, – и, хитро усмехнувшись, добавил, – думаю, это кто-то другой, но только не гадюка, укусил твою красивую ножку, Мария.

От слов Игнасио у всех стало легче на душе. Это Мигель понял по вырвавшемуся у стоявших вокруг односельчан, вздоху облегчения. А Мария, резво, как Вигонь (дикая коза – стройная и изящная), поднялась с земли и, взяв Мигеля за руку, долго-долго смотрела ему в глаза. И столько в её взгляде было тепла, благодарности и любви, что он, от смущения, даже слегка покраснел.

– Нечего на него с такой нежностью смотреть, – с улыбкой произнесла, всё и всегда замечавшая, Хуанита. Мы и так все знаем о ваших нежных чувствах.

– Что ты говоришь, Хуанита, – и, с порозовевшим от смущения лицом, Мария спряталась за спину Мигеля.

Повернись в это мгновение Мигель и посмотри назад, он увидел бы, как при словах Хуаниты сжались кулаки, и побледнело лицо Родригеса.

От простого соперничества между двумя претендентами на любовь Марии не осталось и следа. У Мигеля появился враг! Враг – злобный, завистливый, и коварный. Его ненавидящий, холодный взгляд, готов был испепелить Мигеля.

Ох, Мигель, Мигель! Страшного врага ты себе, не думая, не гадая, нажил! Такого же страшного и безжалостного, как гадюка Холинас!

Но он ничего этого не знал и не видел, и поэтому, повернувшись, взял Родригеса за руку и, считая его своим другом, произнёс:

– Пошли, Родригес. Время идёт, а мы ещё не закончили осмотр местности.

Остальные, небольшой группкой двинулись за ними.

* * *

Прошли они не более двухсот ярдов, как услышали – из нагромождения деревьев и валунов раздаётся какой-то звук. Этот звук напоминал человеческий стон.

Все бросились в направлении звука-стона, но ничего не увидели. Вокруг были только стволы деревьев с перекрученными, переломанными ветвями, да скользкие, облепленные грязью, камни...

– Стойте и не шевелитесь! – подал голос Хосе. Я что-то слышал вот здесь!

И он указал пальцем на дерево, лежащее несколько в стороне от других.

Все остановились и, повернувшись, куда показывал пальцем Хосе, прислушались. Через мгновение послышался стон человека...

– Он здесь! Он здесь! – взволнованно закричала тоже отчётливо расслышавшая стон, Хуанита, и показала рукой на вершину дерева – изломанную, искорёженную, и зажатую между других деревьев, таких же изломанных и искорёженных.

Мигель, Хосе, Игнасио и Родригес бросились в направлении, указанном Хуанитой.

Но не сразу им удалось добраться до цели.

С трудом пробираясь между хаотично лежащих камней, перелезая через валявшиеся в беспорядке деревья и крупные ветки, прорубая дорогу мачете, они медленно, но упорно продвигались вперёд. Минут через пять-восемь они уже совсем близко, явственно расслышали человеческий стон.

– Осторожнее машите мачете, – предупредил Игнасио. Он здесь, близко, где-то перед нами, вы можете его поранить.

Первым своего соплеменника увидел Родригес, вернее, не всего человека, а только его ногу, прижатую стволу дерева к огромному валуну. Пострадавший был весь накрыт ветвями и, скорее всего, не мог даже пошевелиться.

– О Инти! Помоги ему продержаться ещё немного, – пробормотал Родригес, осторожно отсекая очередную ветку от ствола и отбрасывая её в сторону.

– По-мо-ги-те! – услышали спасатели раздавшийся из глубины ветвей слабый голос.

– Мы сейчас! Мы сейчас! Потерпи немного! – жалобно приговаривал Хосе, стараясь аккуратнее обрубить ветки.

Они так торопились освободить пленника стихии и, может быть, даже раненого, что пот начал струиться по их лицам. Первым выдохся Хосе. Он, тяжело дыша, перестал махать тяжёлым ножом и, присев на кучу отрубленных веток, ладонями смахнул пот с лица и жалобно произнёс:

– Всё! Хоть убейте, но я больше не могу, честное слово.

И в голосе его прозвучала такая горечь и обида на свою слабость, что всем стало жалко этого мальчика, совсем ещё ребёнка, старавшегося изо всех своих сил походить на взрослого.

– Ты не переживай, – мягко произнёс Мигель. Отдохни, пока мы не перерубим ствол пополам. Здесь места хватает только на двоих. Вот и Родригес тоже отдохнёт. Смотри, как он устал, даже качается, успокаивал он мальчика, желая показать, что Хосе ничуть не слабее их, взрослых.

Они вынуждены были разделить дерево пополам. Их сил на то, чтобы освободить человека, прижатого огромным стволом с корнем и ветвями, даже если им помогут девушки, никогда бы не хватило. Толщина дерева достигала двух-двух с половиной футов, и весить оно могло никак не меньше тысячи пятисот-тысячи восьмисот фунтов, а то и больше.

Мигель и Игнасио рубили дерево, ударяя мачете по очереди. Под ударами больших, тяжёлых ножей, в разные стороны, посверкивая белизной в лучах прорывающегося сквозь просветы туч, солнца, как бабочки, летели щепки. Но и они, молодые и сильные мужчины тоже, в конце концов, выдохлись.

– Ты, как там, ещё живой? – спросил прерывающимся от усталости голосом Мигель у пострадавшего. Держись, совсем немного осталось!

И, чтобы подбодрить прижатого деревом человека, повторил: «Совсем немного осталось, ещё чуть-чуть».

Тот в ответ только промычал что-то нечленораздельное.

– Ещё живой! – повернувшись к девушкам, сообщил он. Скоро ваша помощь потребует. Готовьтесь!

Немного отдохнувшие Родригес и Хосе, заменили уставших лесорубов.

Яростно круша сопротивлявшееся их напору дерево, они наконец-то разрубили его пополам.

Стоявшие почти рядом девушки, подняв взоры к небу, зашептали – «Спасибо тебе, Лучезарный и Милостивый Инти, что не дал умереть человеку в муках!» И бросились помогать мужчинам.

– Спокойно, девчонки! – попытался охладить их пыл Игнасио. Ваша задача – аккуратно вытащить пострадавшего из-под веток, и то... после моей команды. Поняли, надеюсь?

– Мы поняли! Поняли! Не маленькие, – почти в унисон сказали они.

– Так. Ребята! Без суеты! Беритесь за эту половину ствола, и все вместе, по моей команде... раз, два, вв-зя-лии! Родригес! Держи крепче, не ленись!

– У меня руки скользят!

– Перехватись, только быстрее! Мы пока подержим...! Опускать нельзя...! Ну, ещё раз, в-зя-ли!

Напрягшись так, что мышцы готовы были вот-вот лопнуть, трое мужчин и мальчик подняли отрубленную половину дерева вместе с оставшимися на нём ветками.

– Хуанита! Мария! Осторожно, но быстро, попытайтесь вытащить страдальца из-под дерева! Да осторожнее! Око-Пака!!!

Девушки, схватив односельчанина за руки (повезло ему, что руки у него были целы, а то бы они оторвали их у него), потащили того из-под дерева.

Неожиданно он открыл глаза, громко вскрикнул, и тут же его голова поникла...

– Тащите, тащите! – закричал Родригес. Теперь всё равно! Я больше не могу держать...!

И..., только ноги пострадавшего оказались на свободе, руки мужчин ослабели и дерево, зашумев оставшимися на нём ветвями, упало на своё прежнее ложе.

Мигелю даже показалось, что оно облегчённо вздохнуло, улёгшись на старое место.

Девушки, обхватив спасённого с двух сторон, аккуратно, стараясь не причинить ему вреда, выбирая путь между камнями и лежащими в беспорядке деревьями, потащили его. В некоторых местах им пришлось, меняясь местами, перетаскивать лежащего без сознания мужчину через валуны и валявшиеся деревья. Для их слабых женских сил он был достаточно тяжёл. С большим трудом им удалось дотащить его до более-менее свободного места, и из последних сил опустить на землю. Тяжело дыша, они присели отдохнуть.

– Ты знаешь, кто это? – спросила Мария, внимательно рассматривая спасённого мужчину.

– Да, его все знают! – ответила Хуанита, поморщившись, и отвернувшись, стала смотреть в сторону приближавшегося мужа.

– Ааа, я узнала его! Это..., это же Сильвио! Он живёт на нижней стороне деревни, да? – полувопросительно, полуутвердительно сказала Мария.

– Да. Он шьёт всем мокасины и разные там пояса, ножны и упряжь для лам, – нехотя подтвердила Хуанита.

– Вспомнила! Он и мне мокасины шил. Правда, давно...

– Мария, ты что это? В воспоминания ударились? Давай, вставай! Понесли дальше... Ну и тяжёлый же он! – пробормотала Хуанита, пытаясь поудобнее взяться за раненого. Мария, держи крепче, не отпускай, а то уроним!

На помощь к девушкам подоспели мужчины.

– Хуанита, дай-ка я сам! – И Игнасио, наклонившись, как ребёнка подхватил лежащего без сознания раненого мужчину на руки, и пошёл в сторону от каменно-деревянной реки.

Девушки, Родригес и Мигель с Хосе, молчаливой группой последовали за ним.

* * *

Выбравшись к кромке, теперь не страшного потока, Игнасио положил спасённого на ровное место и приступил к осмотру. Он быстро и уверенно ощупал его и, видимо придя к какому-то решению, задумчиво покачал головой, а затем, посмотрев на стоявших в безмолвном ожидании и наблюдавших за его действиями людей, начал давать указания:

– Мария, сходи и попробуй в чём-нибудь принести воды. А ты, Родригес, пойдти, выбери среди поваленных деревьев ровную ветку, лучше пару, длиной около пяти футов, и хорошенько очистив от сучков, принеси мне.

...Слышишь, Родригес! Тебе говорю! И, смотри, чтобы были обязательно ровные, без веток и сучков. У этого парня, кажется, в двух местах сломана нога.

А вы, повернув голову к Мигелю, Хосе и Хуаните, продолжил он, постарайтесь найти среди валунов и деревьев достаточно ровную площадку, чтобы мы все, и раненый тоже, могли в ней разместиться на ночлег. Да, не забудьте обложить это место камнями и ветками вокруг – скоро ночь! Нам нужно укрытие и защита.

Каждый, получив своё задание, быстро принялся за работу. Все прекрасно понимали, чем быстрее управятся с порученным делом, тем безопаснее пройдёт ночь.

Мария, не найдя подходящей посуды для воды, просто принесла её в руках, сложенных ковшиком.

– Лей потихоньку ему в рот! – приказал Игнасио, и осторожно попытался разомкнуть раненому плотно сжатые зубы.

Когда это ему не удалось, он, плотно держа его голову другой рукой, вставил находящемуся в бессознательном состоянии мужчине между зубов кончик мачете.

Мария, уже успевшая во второй раз принести воды, была наготове.

– Лей!

Когда вода попала раненому в рот, он пошевелился, а затем, сам раскрыв рот, начал с жадностью глотать целительную влагу. По-видимому, его давно терзала жажда, и Мария ещё несколько раз приносила воду.

Получив так необходимую ему влагу, раненый, придя в себя, открыл затуманенные болью глаза. Он долго всматривался в лица склонившихся над ним людей, затем, видимо узнав пришедших ему на помощь, с трудом двигая пересохшими губами, прошептал:

– Игнасио, спасибо! Век не забуду твоей помощи! Я уж думал мне конец.

– Ты ещё попрыгаешь, старый ворчун! – ласково проговорил Игнасио. Ты лучше, если можешь, скажи, что у тебя болит?

– Мне..., кажется..., у меня..., по-моему..., сломана нога.... Так ноет! Так ноет!

– А больше нигде, ничего не болит?

– Грудь ... немного. Когда... воздух... вдыхаю.

– Я, думаю, у тебя, кроме ноги, ещё и пару рёбер сломано, – покачал головой Игнасио.

– Вот... незадача. Как же... мне ... быть?

– Ничего, Сильвио! Живы будем – не помрём! – уверенно произнёс Игнасио и, усмехнувшись, продолжил, – сейчас Родригес принесёт нам парочку ровненьких палок, вот мы тебе ногу ими и подремнтируем.

– Какой Родригес? Уж не сын ли нашего кацика? – и губы раненого иронически скривились.

– Ты бы поменьше болтал! – одёрнул его Игнасио. Ишь ты! Ожил! Лежи спокойно.

Раненый немного помолчал, а потом, также шёпотом, при каждом произнесённом слове непроизвольно хватаясь за грудь, спросил:

– Много... наших... уцелело?

– С вами... – пока семеро, – ответила грустно Мария.

Сильвио, прикрыв глаза, надолго замолчал.

Появился Родригес с более-менее ровными палками, и Игнасио приступил к «ремонту» ноги раненого. Мария, как могла, стала помогать ему.

Игнасио быстро и ловко обложив поломанную ногу деревяшками, заматал её оторванным куском ткани от платья Марии, и завязал узел.

Сильвио, стиснув зубы и закрыв глаза, терпел боль, но иногда, когда было совсем уж невмоготу, он издавал стон и скрипел зубами.

– Ну, вот! Через месяц нога срастётся, и ты будешь опять как новенький! – пошутил Игнасио, закончив работу.

– Спасибо... тебе!

– Даа, не за что! Выздоровливай! – ответил «знахарь», и стал смотреть в сторону, разрушенной до основания, деревни.

– Игнасио! Мария! – послышался голос Мигеля, – куда запропастился этот чёртов лентяй, Родригес? Нам одним не управиться до темноты!

– Родригес, Мария! Пошли! Надо помочь Мигелю, – поднимаясь с колен, приказал Игнасио.

Было уже совсем темно, когда они, перенеся раненого, укрылись в импровизированной крепости.

Голод всё настойчивее давал о себе знать, а потом и холод. Пока они работали, он не понимал их, а сейчас...

Сейчас я съел бы даже..., Мигель на мгновение прикрыл глаза, и перед его взором тут же предстал кусок поджаренного мяса пекари и печёная картофелина...

– Как есть хочется! – услышал он жалобный вздох одной из девушек.

– До утра придётся потерпеть, – начал их успокаивать Хосе, а утром...

– Утром придётся перебираться на другую сторону, поближе к огородам, – вступил в разговор Игнасио, – может, на наше счастье, не всё смыло, а сейчас отдыхайте! Утро вечера мудренее!

Изгои немного повозились, чтобы поудобнее устроиться на набросанных толстым слоем ветках и, наконец-то один за другим, притихли.

То с одной стороны импровизированного лагеря, то с другой, нет-нет, да раздавались тихие вздохи. Каждый из находившихся здесь людей, случайно или преднамеренно пощажённых природной стихией (Богу об этом лучше знать), наверное, представил себе завтрашний день. И задумался о своём будущем: и, конечно же, у всех на уме был один вопрос – что стало с моими родными – отцом, матерью, братьями и сёстрами...? Страдали они, погибая под натиском стихии, и как сильно? Но ответа не было – мёртвые не могут говорить.

Мигель сидел рядом с Марией, примостившейся у него сбоку и о чём-то еле слышно вздыхавшей, тоже думал о завтрашнем дне. Иногда в голову приходило воспоминание, как он помогал Марии избавиться от яда гадюки, и слабая улыбка нежности к ней, к любимой девушке, ложилась на его лицо.

Так, с мягкой, счастливой улыбкой на губах, чувствуя рядом тепло девичьего тела, он и задремал.

Когда его захватил в свои объятия «Морфей», он не мог вспомнить, но очнувшись и открыв глаза, понял – спал крепко, без сновидений.

Над головой первозданной голубизной сияло небо. Из-за горизонта, где говорят, есть большой-большой океан, появились первые лучики солнца. Они окрасили в бледно-розовый цвет лежащую перед ним и уходящую до самого горизонта равнину, поросшую травой с кое-где торчащими древовидными мимозами. Лишь только, рассекая равнину почти пополам, полоса камней и вырванных с корнем, покорёженных, с перепутанными ветвями деревьев, портила этот вид, И, уходя не известно на сколько сотен, а может быть и тысяч ярдов вдаль, она напоминала о трагедии.

Приняв разные позы, вокруг него спали его товарищи по несчастью. Рядом, прижавшись к нему и сжавшись комочком словно котёнок, посапывала носиком Мария. И на нежном, окрашенном чуть заметным румянцем лице её, блуждали тени какого-то, по-видимому, приятного девичьего сна.

Постепенно, то один, то другой, лишившийся крова и своих близких, человек, потягиваясь и разминая затёкшие мышцы, отходил ото сна и принимался будить других. Не прошло и получаса, как все были готовы вступить в новый, неизвестно что обещающий им, день.

* * *

Как самый опытный человек и к тому же охотник, Игнасио взял руководство жизнью маленького коллектива на себя. Никто и не собирался с ним спорить, и поэтому, когда он предложил провести «Совет», все восприняли его слова, как предлог к обсуждению создавшейся ситуации. И, естественно, предоставили ему право первым озвучить свои мысли.

– Мы не можем остаться на этой стороне, – медленно, подбирая слова, начал он. Здесь полно гадюк, и совершенно нечем питаться... и продолжил: мы должны перебраться на ту сторону завала и перенести раненого Сильвио...

– Я не Сильвио, – неожиданно перебил его раненый. Я Матео-гончар! Сильвио – мой брат-близнец!

Вот те раз, удивлённо воззрились на него односельчане. А мы думали что ты Сильвио. И продолжая удивляться, ещё раз внимательно пригляделись к лежавшему на импровизированном ложе Матео-Сильвио.

– Ну, смотря на вас с братом не мудрено и ошибиться! – засмеявшись, сказала Хуанита, – вы как две капли воды похожи друг на друга.

Услышав её слова, мужчины заулыбались, а Матео, конечно же никакой не Сильвио, обиженно нахмурился.

– Смейтесь, смейтесь! Нас даже матушка иногда путала – кто есть кто! А жёны..., молчу, молчу. А то ещё больше смеяться будете.

Эта шуточная констатация факта жизни Матео несколько изменила тональность разговора. Все стали чувствовать себя более свободно, напряжённость и страх перед будущим несколько поубавились.

– Ну, посмеялись? А теперь... давайте по-серьёзнее!

В голосе Игнасио прозвучало недовольство. Он обвёл присутствовавших на «Совете» строгим взглядом, затем неожиданно улыбнулся, и уже обычным своим тоном продолжил:

...На той стороне должен, хоть немного, остаться картофель, и даже отсюда видно, уцелело немного кукурузы. Выкопаем картофель, наломаем початков кукурузы, и двинемся в сторону ближайшей деревни. До неё, насколько я помню, миль сто-сто двадцать. Матео понесём по очереди..., на самодельных носилках. Думаю, дней за восемь-десять дойдём, если конечно ничего непредвиденного в пути не случится.

– А, почему именно здесь перебираться через завал? Давайте поднимемся выше, и прямо напротив огородов перейдём, – нарушив вековую традицию, перебил говорившего, Родригес, – там намного уже переход.

– Уже-то, уже..., только ты совершенно забыл о Холинас, – не согласился с ним Мигель. И ещё: мы только вчера пришли оттуда.

– А, что гадюки? Они всегда здесь были! Подумаешь! – упёрся Родригес. Мы же только *вчера* прошли там, и... ничего.

– Правильно! Но опять же – ещё вчера земля была мокрой, и Холинас сидели по норам, и мы спокойно, или почти спокойно, смогли пройти сюда, а сейчас..., сейчас они все выползли погреться на солнышке. Я полчаса назад уже видел несколько штук, и Мигель легонько стукнул Родригеса по затылку. Затем продолжил:

Теперь ты понял, почему мы будем перебираться здесь, как предложил Игнасио, а не там, как предлагаешь ты.?

Родригес, насупивши брови, выслушал реплику и, по-видимому, обидевшись, отвернулся от Мигеля.

– Мигель прав! – сказал Игнасио. Хоть и тяжело, но придётся перебираться здесь.

Мигель знал, что переход будет тяжёлым, но... чтобы до такой степени...!

Очень трудно было переносить раненого Матео. Несколько раз, вероятно, из-за неаккуратности несущих, он вскрикивал и терял сознание. Приходилось останавливаться и, беспокоясь, как бы он не умер, приводить его в чувство.

Потом опять начиналось лазанье-перелазанье через валуны и валявшиеся в беспорядке деревья. А сколько раз им приходилось брать в руки мачете!

Наконец их трудный переход завершился. От усталости повалились на землю «кто, где стоял», а Матео вновь был без сознания.

От их тел, валил пар. Они тяжело с хрипом, дышали.

Чуть отдохнув и отдышавшись, Мария, покачиваясь от усталости, собралась пойти за водой, но её остановил Хосе:

– Сестрёнка, отдохни! Я схожу и принесу воды.

И тринадцатилетний мальчик, через силу поднявшись, с трудом переставляя ноги, пошёл выполнять своё обещание.

Мигель, наблюдая за мальчишкой, подумал, – это уже не ребёнок! Он за прошедшие сутки повзрослел на несколько лет. Он стал настоящим мужчиной, и принял на себя ответственность за сестру.

Немного передохнув и восстановив дыхание, группа двинулась дальше. Впереди грустной кавалькады с раненым Матео на руках, шёл Игнасио. Непроизвольно выстроившись гуськом – Хуанита, Родригес, Мария и Мигель с Хосе, они быстрым шагом продвигались в сторону огородов. Их подгонял голод.

Шли молчаливо – никто не мог говорить от усталости, никто не хотел тратить энергию на разговоры.

* * *

Взор Мигеля, как и вчера, неудержимым магнитом притягивало к себе появившееся отверстие в горе, находящееся от них сейчас не более чем в миле. Он часто посматривал в ту сторону, пытался представить себе, как давно существует доселе скрытое от глаз людей отверстие, или щель, и что за ним может находиться?

А пока, в силу сложившейся ситуации, он был не в состоянии удовлетворить своё любопытство, поэтому, автоматически переставляя ноги, задумался об их пути к спасению, далёкому, неизведанному пути в другое селение.

Представив, каким лишениям подвергнутся они в пути, да ещё и с раненым Матео на носилках, и двумя неопытными девушками, он понял – за десять дней, как обещает Игнасио, им ни за что не дойти. Хорошо бы уложиться в пятнадцать, а то и в двадцать дней.

Пампасы полны диких животных, а у них никакого оружия, кроме мачете, нет. А что сделаешь ножом против своры, например, диких собак или, не дай бог, волков...

– Мигель, ты о чём задумался? – прервал его размышления Хосе, осторожно дотронувшись до локтя. О том же, что и я? О нашей жизни?

Мигель, приостановившись, лишь на одно мгновение заглянул ему в глаза, и увидел там плохо скрываемую тревогу и, одновременно, вопрос и надежду, что всё для них закончится благополучно!

– Да, Хосе! Я думал о нашем пути отсюда и решил...

Что решил, он так и не сказал мальчику, потому что это решение шло в разрез решению Игнасио и других, и неизвестно ещё, как к этому отнесутся они. Поэтому, чтобы не отвечать, он произнёс первое, что ему пришло в голову:

– Хосе, давай поторопимся! Мы и так отстали от остальных. Да, помоги сестре! Поддержи её. Она женщина, и ей труднее преодолевать препятствия, встречающиеся на дороге жизни.

– Хорошо, Мигель! – ответил Хосе и, немного помолчав, добавил, – я был бы очень рад, Мигель, если бы Мария вышла замуж за тебя, а не за этого... противного Родригеса!

Высказав открыто своё желание, он чуть покраснел и, отпустив локоть Мигеля, побежал догонять сестру, ушедшую вместе с остальными на несколько десятков ярдов вперёд.

Мигель хотел того же, но не мог же он в этом признаться брату Марии..., хотя...

Через десяток минут они были на частично сохранившихся огородах, засаженных картофелем и кукурузой.

Девушки, а вместе с ними и Хосе, быстрым шагом пошли в сторону растущей небольшими участками, кукурузы, а мужчины, ножами и руками начали выкапывать почти созревший картофель.

Через некоторое время раздался невнятный голос Хосе. Он что-то говорил, по-видимому, с набитым кукурузой ртом. Мигель прислушавшись, различил несколько нечленораздельных слов:

– Кукурузы... вам... принести? А затем ещё какое-то бормотание.

Чтобы не расшифровывать услышанную абракадабру, Мигель просто крикнул:

– Неси, неси! Мы тоже хотим положить в рот что-нибудь съедобное, подумав при этом – что ещё может принести Хосе, если не кукурузы?

И, действительно, тот примчался, держа в подвёрнутом пончо, десятка два кукурузных початков.

Мужчины, один из которых был серьёзно ранен, отряхнув руки от налипшей земли и кое-как обтерев их о штаны, очистили початки и вонзили зубы в почти уже созревшие зёрна.

Перемалывая крепкими зубами, как жерновами, кукурузу, Мигель наслаждался её вкусом, а набежавшая при этом слюна, помогала глотать пищу...

Должно было пройти не менее двадцати минут, пока желудок не оказался наполненным, и не ушло чувство голода. Только тогда Мигель перестал работать челюстями и блаженно вздохнул. Облокотившись локтем о землю, он решил немного отдохнуть, но ему не дал Игнасио, почти над самым ухом прокричав:

– Девушки! Идите к нам! – и помахал им призывно рукой. Вместе передохнём.

Когда те пришли и уселись, а затем, по привычке, принялись выщелушивать зёрна из принесённых с собой кукурузных початков, мужчины подсели к ним и собрались поговорить, о том, о... сём.

Именно такого момента Мигель ждал с нетерпением, и именно сейчас он решил, что настал самый удобный момент, чтобы озвучить своё предложение, которое он, идя со всеми, обдумывал, и которое (он так верил) будет принято. Подняв руку для привлечения внимания к себе, волнуясь, начал:

– Я вот о чём...

На мгновение он остановился, подумав – прав он, или всё же ошибается – а потом решил, нет – он прав! Он не ошибается!

Его товарищи по несчастью почти одновременно повернули головы в его сторону и, удивлённые его словами, с любопытством посмотрели на него.

А он, уже уверенно, не останавливаясь и не сбиваясь, продолжил:

...До самой ближайшей к нам Тольдерии, как вы знаете, не менее ста миль, и всё по пампасам. При переходе через них, путники должны быть готовы к самым разнообразным неожиданностям, вплоть до встречи с дикими собаками или, не знаю ещё с кем. Ааа, ещё..., он немного помедлил, вспоминая рассказы стариков проделавших такой путь, не забывайте, нас ждёт переправа через Большую, кишашую аллигаторами, реку.

И, чтобы его не перебили и дали до конца высказаться, зачистил: мы будем не одни, а с раненым Матео на руках, Это усложнит наш путь, и не позволит достаточно быстро передвигаться. Кроме того, у нас нет арбалетов, а много ли сделаешь с одними ножами...?

Мария, сидящая напротив Мигеля, от удивления и непонимания его мысли, даже перестала возиться с кукурузой, и переводила взгляд с одного односельчанина на другого.

...Я предлагаю, Мигель, как перед прыжком в обжигающую, ледяную воду горного озера, набрал полную грудь воздуха и с маху выдал: «Я предлагаю меня и Матео оставить здесь..., вдвоём, а вы – вы пойдёте».

Услышав его предложение, все заговорили разом, а Родригес, так прямо и сказал, что он ненормальный и, что только сумасшедший мог додуматься до такого решения.

– Вы дослушайте меня! – пытался Мигель продолжить свою мысль. Я ведь дело предлагаю!

Но никто его не слушал. Каждый, крича и размахивая руками, пытался доказать невозможность выполнения его плана.

Наконец Мигель не выдержал и крикнул:

– Вы из какого племени, мужики? Из племени соек, что ли? Стрекоchte, как... он хотел сказать, бабы, но постеснялся, и только огорчённо махнул рукой.

Шум моментально стих, и все вновь повернувшись к нему лицом, устремили на него хмурые взгляды.

– Продолжай! Извини нас, но твоё предложение настолько неожиданно и абсурдно, что поневоле призадумался, – нарушил молчание, Игнасио...

Мигель обвёл товарищей по несчастью вопрошающим взглядом, словно спрашивая «А не начнёте ли вы опять орать, что моя затея невыполнима?». Лишь убедившись, что его опять будут внимательно и, не перебивая слушать, продолжил:

– Так, вот! Я сейчас сбегу вон к той горе с открывшимся отверстием в ней... вон там, видите? – он показал рукой, где открылось отверстие. До него отсюда не больше мили. Я посмотрю, пригодно ли оно для жилья, если да, то мы перенесём в него Матео, а вы, завтра, налегке двинетесь в путь и... дней за пять, а может быть за четыре, доберётесь до соседней Тольдерии. Отдохнёте день, и кто-нибудь из вас, лучше, конечно, Игнасио, хорошенько вооружившись и взяв мулов, приедет за нами. Считаю, так будет быстрее и во много раз безопаснее!

Наконец-то высказавшись до конца, он облегчённо вздохнул, и стал ждать, что ответят ему сидящие рядом с ним односельчане.

А они молчали. Долго молчали, вероятно, обдумывая его столь неожиданное, идущее в разрез с Игнасио, предложение.

Как бы там ни было то, что предлагаю я, рационально во всех отношениях, кроме одного – смогу ли я, в одиночку, к тому же с раненым Матео за плечами, продержаться дней девять-десять, максимум пару недель? – с тревогой думал Мигель, вопросительно окидывая взглядом односельчан.

Нерешён вопрос и с укрытием. Хорошо, если в горе есть хоть небольшая, но пещера. А если я ошибаюсь, и это просто щель...?

В таком случае моё предложение неприемлемо, и я пойду вместе со всеми. А там, будь, что будет! – окончательно решил Мигель. А приняв решение – успокоился.

Мигель смотрел на односельчан, товарищей по несчастью, и представлял весь ход мыслей своих соотечественников. Он родился, вырос и возмужал среди них, и поэтому всё, что они могут высказать против его предложения, он знал наперёд. Но он, также знал – они согласятся! Они должны согласиться!

Матео, как самый старший среди них, начал тихим, но твёрдым голосом, первым:

– Мигель... хорошо... придумал. Давайте... сделаем так, как он... предлагает. Я, за его... предложение!

Остальные, молча, не сказав ни слова, лишь только покивали головами в знак согласия, но как-то неуверенно. В их глазах проскальзывало сомнение в правильности выбранного решения. Особенно это было заметно во взгляде Марии, но она, как и все, промолчала.

Мигель собрался уж подниматься и приступить к исполнению своего предложения, как тишину нарушил голос Игнасио.

– Давайте решим так! Пусть Мигель сходит и посмотрит – есть ли там место, чтобы укрыться самому и спрятать раненого. Если есть, он нам подаст знак! Мы же, пока будем запасать на дорогу картофель и кукурузу. Переночуем, а утром... до утра каждый решит, как ему поступить.

Все, опять соглашаясь, закивали головами, но в их молчаливом согласии появилось какое-то, невысказанное вслух, чувство облегчения что ли. Казалось, с их плеч сняли груз, а у Марии, так даже улыбка проскользнула на лице.

* * *

Через пятнадцать-двадцать минут быстрой ходьбы, Мигель приблизился к отверстию в скале. Оно располагалось футов на пять, пять с половиной выше уровня земли, и имело форму вытянутого вверх овала. Осторожно приблизившись к нему, он с опаской заглянул внутрь.

Вначале, со света, он ничего не смог рассмотреть, а потом глаза попривыкли, и он в полумраке разглядел: во-первых, сразу от входа тянулся футов десять-двенадцать коридор, а за ним – сама пещера.

Пещера, насколько смог он разглядеть в царившем полумраке, была пуста, и никто, или ничто, не мешало людям занять её, а во-вторых – её размеры..., её размеры были достаточны, чтобы вместить в себя не менее двух десятков человек.

Всё ещё с опаской, Мигель ухватился за край отверстия и, слегка подпрыгнув, влез внутрь.

Осторожно переставляя ноги и, выставив перед собой мачете, готовый немедленно отразить любое неожиданное нападение врага, он медленно двинулся по коридору. А пройдя его, не встретив ничего похожего на опасность, осторожно вошёл в пещеру – основное помещение.

В ней было сумеречно, но достаточно светло, чтобы рассмотреть всё вокруг. Ему казалось, она освещается идущим отовсюду слабым голубовато-серым светом, но найти его источник Мигель так и не смог.

На всякий случай он обошёл всю пещеру – вдруг где-нибудь в углу спряталась гадюка или ещё какая-нибудь гадость? Но пещера была совершенно пуста и он, успокоенный пустотой и царившей в ней тишиной, продолжил её обследование.

Удивительная это была пещера.

Она была почти прямоугольной формы: длиной приблизительно футов тридцать-тридцать пять, и шириной – около двадцати пяти футов. Имела ровные, чуть сужающиеся кверху, гладкие стены и скруглённые углы. В общем, помещение было похоже на усеченную пирамиду.

Стены были до того гладкими, что казались отполированными, и они излучали тепло, но откуда шёл подогрев, Мигель определить не смог. Высота пещеры была такова, что терялась в сумеречном освещении, и Мигель даже приблизительно не мог назвать её величину.

Пол пещеры, покрытый тонким, толщиной не более половины дюйма слоем чуть розоватого цвета песка, привлёк внимание осторожного индейца, и он, нагнувшись, даже набрал полную горсть, чтобы получше рассмотреть его при дневном свете.

Затхлости воздуха, а это первое, на что Мигель обратил внимание, совершенно не чувствовалось. Он даже мог поклясться, что воздух здесь имеет такой же запах, как пахнет он после грозы. И ещё, на что обратил он внимание – в пещере было совершенно сухо и достаточно тепло, по сравнению с наружным воздухом.

Удивлённый и, одновременно, восхищённый, молодой индеец медленно ходил по пещере, прикасался к стенам руками, а в голове нет-нет, да мелькала мысль-вопрос – кто сотворил такое чудо? И почему никто из древних стариков их Тольдерии ни разу не рассказал о ней, или хотя бы не намекнул на её существование?

Не найдя ответа, он решил заняться им позже, а сейчас..., ну чем не жильё?! – не сдержавшись, восторженно прокричал Мигель, и бросился наружу чтобы позвать остальных.

Пока группа спасшихся при катаклизме людей, неся на руках раненого Матео, продвигалась в сторону открытой Мигелем пещеры, он решил сотворить что-нибудь похожее на деревянную, хотя и не совсем аккуратную, лестницу.

Отрубив от валявшегося поблизости дерева вершину толщиной в десять дюймов, укоротил её до пяти футов и, оставляя дюймов по пяти-семи у корня, обрубил сучья.

Осмотрев своё изделие, он остался доволен.

Чтобы испытать творение рук своих, Мигель приставил лестницу к нижнему краю входа и поднялся по ней в пещеру, а затем, не торопясь, спустился вниз.

Очень даже хорошая лестница получилась! – похвалил он себя. Днём пусть стоит снаружи, а на ночь? На ночь можно будет затаскивать её внутрь, и ни одна собака к нам не залезет в пещеру.

Хорошо я придумал, честное слово, хорошо!

Пока Мигель сооружал лестницу, группа, возглавляемая Игнасио, приблизилась к пещере.

Мигель широким жестом, как хозяин, пригласил всех заходить, то есть заползать, поправил он себя, и чуть отступил в сторону.

Оставив Матео снаружи, все, любопытствуя, полезли внутрь. Мигель, как первооткрыватель, с гордостью показывал свои «хоромы». Девушки, рассматривая пещеру, восхищённо ахали, а мужчины цокали языками.

– Молодец Мигель! Хорошая пещера! – восторженным голосом выразил общее мнение, непосредственный как всегда, Хосе.

А снаружи слышалось – я тоже хочу посмотреть! Затащите меня внутрь! А затем обиженно – оставили меня здесь одного, хоть пропадай! Тоже мне, односельчане...

– А, правда, мужики, – подала голос Хуанита, – пещера прекрасная! Давайте затащим Матео, пусть он тоже полюбуется! Немного помолчала и, со вздохом добавила, – я бы с удовольствием осталась в ней жить, прекрасная казуча. Повернувшись к мужу, поинтересовалась, – а ты, Игнасио?

Он, казалось, не расслышав её вопроса, или сделав вид, что не расслышал, ничего не ответил.

А ей так хотелось, чтобы он хоть как-то отреагировал на её слова. Но он промолчал, и слёзы обиды повисли на её ресницах.

На следующее утро, отдохнувшие и прекрасно выспавшиеся, все, кроме Матео, вышли из пещеры. Прошлым вечером, после длительных и горячих споров, было решено – в путь отправится один Игнасио, как самый опытный и выносливый из них. Остальные останутся ждать его возвращения с мулами и пищей на дорогу.

Также они решили, что он, один, быстрее проделает путь по пампасам и, что этот путь он проделает благополучно.

К тому же они надеялись, что Мигель, Родригес и Хосе смогут тем или иным способом добыть огонь и обеспечить остающихся пищей.

Прощание, с отправляющимся в долгий и, скорее всего, трудный путь, Игнасио, было индейски коротким, без напутственных слов. Только Хуанита, прижавшись к мужу, прошептала: «Ты уж будь осторожнее в дороге, береги себя, пожалуйста, и... быстрее возвращайся».

Две девушки, оба юноши и один, по сути, ещё ребёнок, молчаливо смотрели как фигура Игнасио постепенно, всё дальше и дальше удаляется от них. Только Родригес почему-то вёл себя как-то странно.

Он был беспокоен, то и дело вздыхал, что-то шептал себе под нос, наконец, что-то решив для себя, сложил ладони рупором и закричал: «Игнасио, подожди меня!» – и, обернувшись к стоящим рядом товарищам, скороговоркой произнёс: «Я тоже пойду! Я не хочу здесь оставаться!» А затем добавил: «Вдвоём безопасней, чем одному!». И, помахав прощально рукой, словно уходил навсегда от стоявших небольшой группой индейцев, бросился догонять уже почти скрывшегося из виду, Игнасио.

Оставшиеся были изумлены, даже не изумлены, а ошеломлены предательством Родригеса. Мария и Хуанита вначале переглянулись между собой, а затем, повернувшись к Мигелю, вопросительно посмотрели на него.

– Что это значит, Мигель? – первой пришла в себя Мария. Почему он убежал?

Глаза девушек и Хосе смотрели на Мигеля. Он и сам в не меньшей степени был озадачен поступком Родригеса. Разумного объяснения не находилось. Ведь только вчера всё решили – кто, зачем и куда! И вот, на тебе, неожиданный поворот событий. И куда это, и зачем, сорвался этот полоумный?

В ответ на вопрос Марии, он, не зная что ответить, только неопределённо пожал плечами. А затем, с расстановкой, растягивая слова, произнёс, словно отрубил: «Что ж, ему лучше знать!» – повернулся и, покачивая в раздумье головой, направился к «лестнице».

Девушки и Хосе последовали за ним.

Настроение у Мигеля испортилось. Друг, лучший друг оставил его!

Пока Мигель собирался остаться один с раненым на руках – это как-то примиряло его, даже заставляло чувствовать себя героем, но когда все решили остаться, ему, чего кривить, всё-таки стало легче на душе. Как-никак, а не один на один с раненым..., к тому же ещё и Мария будет рядом.

Когда вместе – легче сопротивляться невзгодам жизни. А тут, на тебе! Такой удар под солнечное сплетение, и от кого? От друга!

И он обиженно, как маленький ребёнок, зашмыгал носом. Чтобы девушки, не дай бог, не заметили его неожиданно пришедшей слабости, Мигель быстро поднялся в пещеру, но вместо покоя был встречен градом вопросов:

– Игнасио ушёл? А, что это вам говорил, Родригес? А, почему он..., а увидев вошедших девушек, Матео даже приподнялся на локте, – почему его нет с вами? Ааа...?

– Сбежал твой Родригес, сынок кацика! – с презрением в голосе произнесла Хуанита. Завилял хвостом как шакал, и сбежал! Трус он и подлец!

Ааа! Вот даже как! – и Матео откинулся на импровизированную подушку, сделанную из молодых, тонких веток и травы. Этого надо было ожидать не сегодня, так завтра.

Мигелю показалось обидным, что его друга считают таким уж никудышним человеком и, не выдержав, начал заступаться за него:

– Ну, чего вы напали на него? Может он нам, наоборот, жизнь облегчить захотел? У нас и так мало еды, вот он и решил, наверное, избавить нас от одного рта!

Мигель говорил и, наверное, в душе хотел оправдать подлый поступок друга, и, конечно же, прежде всего говорил для себя, а уж потом для других. Но чувствовал – никто не верит его словам, и он только понапрасну сотрясает воздух. Так и не закончив свою речь, он надолго замолчал.

– Вот именно, на-вер-ное! – по слогам закончила за него Хуанита, и зло сплюнула.

А Мигель, усевшись на пол и оперевшись о тёплую стену спиной, прикрыл глаза и стал размышлять. Он, пока не выздоровеет Матео, самый старший среди них, и вся ответственность ложится на его плечи. С чего же начинать свою деятельность, что самое первоочередное? И как определить, что первоочередное, а что нет?

Его размышления прервал голос Хосе.

– Мигель, ты знаешь, сырая картошка и кукуруза, что-то не очень ласкают моё брюхо! Как ты думаешь, сможем мы добыть огонь?

– Вот ты и займись этим, – вяло посоветовал Мигель. Привыкай.

* * *

Он сидел, закрыв глаза, а мысли, одна другой быстрее, проносились в голове. Одно дело теоретически взять на себя руководство и ответственность – пока дело не дошло до претворе-

ния всего этого в жизнь, и другое – практически. Справлюсь ли я? – задал он себе вопрос. Уже сейчас, Хосе, своим вопросом о добыче огня заставил меня усомниться в своих возможностях, а что будет потом? В повседневной жизни? Даа...!

Просидев минут сорок молчаливым истуканом, он наконец-то успокоился, и решил: плачь не плачь, а товарищи ждут помощи от меня. Значит? Значит, засучивай Мигель рукава и берись за дело! Чувствуешь, все притихли, и с надеждой смотрят на тебя. Они ждут от тебя не слабости, а мудрых советов и распоряжений. Не подведи людей, Мигель, ты же мужчина, и ты должен помочь им в это трудное для них время, да и себе тоже! Они доверили тебе свои жизни. Сделай так, чтобы они не разочаровались в тебе!

Укрепившись душой, Мигель встал и, обведя всех взглядом, заговорил уверенно и твёрдо:

– Хуанита и Мария, необходимо из ваших волос сплести лесы и изготовить из них петли для ловли мелких зверушек и, если получится, то и лесы для удочек – ловить рыбу в озере. Надеюсь хоть сколько-то воды в нём осталось...

– Как это, из наших волос? – не дав Мигелю говорить, одновременно возмутились девушки, – нам, что, отрезать косы?

...если не хотите помереть от голода, то да! – подтвердил своё решение Мигель. А ты, Хосе, – немного подумав, продолжил он, – ты, Хосе, найди сухую-пресухую колоду и ровную сухую палку...

– Это ещё зачем? – с нескрываемым любопытством поинтересовался мальчик.

– А ты когда-нибудь слышал, как наши предки, индейцы, добывали огонь.

– Даа..., и что? Мы тоже так будем добывать?

– А почему бы нет? Они могли же. И мы, если очень захотим, тоже сможем. Ещё мы сделаем лук и заготовим стрелы для него, как в старину...

– У-р-а-а! – закричал Хосе и от восторга захлопал в ладоши.

Девушки, видя, как радуется мальчик, весело заулыбались, а Матео со своего места, чтобы тоже не оказаться не у дел, пообещал помочь Мигелю, сказав, что он будет заготавливать стрелы, но ему нужен материал и он надеется, что Хосе принесёт ему достаточно подходящих веток.

А ещё, добавил он с серьёзным видом – как только я немного окрепну, я вам такую посуду сварганю! На тысячу миль ни у кого такой не будет!

На этой восторженной ноте закончился разговор, и члены группы принялись за порученную работу.

Прошло два дня, а они всё ещё питались сырой кукурузой и картофелем. Огонь никак не хотел загораться. У Хосе на ладонях появились кровавые мозоли, и Мигель, видя, как страдает мальчик, старался больше сам вертеть палку. Небольшой дымок шёл, а вот огня, даже с подложенной сухой травой, всё не было.

Мигель задумался. А, что, если попробовать взять палку поменьше размером и крутить лесой лука? Посоветовался с Матео. Тот одобрил идею, но посоветовал натяжение лесы лука несколько ослабить.

Все сгрудились вокруг Мигеля, ожидая появления результатов нововведения. При такой конструкции палка завертелась быстрее, и... через несколько минут напряжённого ожидания... Вначале появился слабый дымок, затем дым стал гуще, и..., наконец-то..., к огромной радости наблюдающих за усилиями Мигеля, появился небольшой язычок огня.

Девушки и мальчик, боясь его спугнуть, затаили дыхание. Даже раненый Матео, кажется, некоторое время не дышал.

Мигель осторожно и очень аккуратно, боясь потушить ещё пока слабый огонёк, стал подкладывать вначале сухую траву, потом тоненькие веточки.

Огонь всё разгорался и разгорался и вот он, на глазах у зачарованных людей, превратился в небольшой костерок!

Люди облегчённо вздохнули. А Мария, от радости что у Мигеля, у её Мигеля, получилось добыть долгожданный огонь, даже чуть-чуть всплакнула.

Матео, пристально следивший за всеми действиями Мигеля, и увидевший результаты его труда, высказался в том смысле, что раз есть костёр, то значит, они теперь не пропадут. Будет у них и горячая пища, и защита от непрошенных гостей (мало ли какой зверь может появиться) и, конечно же, нормальное освещение в пещере.

А то мне уже надоел этот мертвенный полумрак, закончил он свою пространную речь!

Под всеобщий восторг и хлопанье в ладоши, его тут же назначили смотрителем костра, а дровами, сказали они, его будет обеспечивать Хосе.

Нанизав на ветки по кукурузному початку, все приступили к поджариванию кукурузы. По пещере поплыл чудный запах, которого они уже столько дней не чувствовали.

Закончив трапезу, страдалцы, от радости, что теперь в их пещере появился, с таким трудом добытый живой огонь, поблагодарили Инти и, посвятив ему, исполнили танец победы!

* * *

Время неумолимо двигалось вперёд, каждую минуту преподнося новые заботы. Теперь на повестку дня встал следующий вопрос – обеспечение пятерых человек пищей. Кукуруза и картофель заканчивались – приближалась неминуемая смерть от голода.

Охота и рыбалка – вот что их могло спасти!

Девушки эти два дня, тоже не сидели без дела. Они сумели сплести штук шесть лесок, длиной в полтора-два фута с несколькими дюймами. Осталось только связать их, что Мигель с Хосе и сделали. А вот пару крючков Мигель самолично изготовил из заколки для волос, которую выпросил у Марии.

Посмотрев с ласковой улыбкой на сидящего невдалеке Хосе, он подмигнул ему и спросил:

– Как ты думаешь, поймается рыба на такой крючок, а?

– Ясное дело, поймается! Зерно кукурузы нацепим.... Да, слушай, а может на берегу озера червей найдём?

– Конечно, найдём! Ты завтра, смотри, не просыпи! Мы пораньше встанем и пойдём на озеро. Договорились?

– Смотри сам не просыпи, а то мне придётся тебя будить!

Услышав ответ Хосе, Мария с Мигелем рассмеялись, а Хуанита, сохранив серьёзность на лице, поинтересовалась:

– А, скажите-ка мне, мужчины..., всё-таки, кого первым к обеду будить?

Услышав её каверзный вопрос, даже Матео не удержался, и со всеми вместе рассмеялся, но при этом при каждом – ха, ха, хватаясь руками за грудь.

– Девушки, может вы сегодня ещё две-три лески успеете сплести? – отсмеявшись, мягко поинтересовался Мигель. Мы бы с Хосе в лесу петли поставили.... Глядишь, что-нибудь и попадётся в них. Сплетёте?

– Постараемся! – ответила Хуанита.

А Мария, посмотрев на свою утончившуюся, отрезанную косу, тяжело вздохнула.

* * *

На следующий день, рано утром, Мигель и Хосе направились в сторону озера. Тропинка вилась по ущелью, поднимаясь всё выше и выше. Идти было трудно.

После прошлого прорыва озера на ней валялись в хаотичном беспорядке валуны и вырванные с корнем деревья. Часто встречались промоины.

Обходя деревья и огромные камни, они постепенно приблизились к озеру. В нём было наполовину меньше воды, но она была.

Мигель облегчённо вздохнул. Весь путь до озера он волновался – осталась в нём хоть капелька воды или нет?

Когда они вышли на берег и присели отдохнуть от усталости, их тела были покрыты испариной, а по щекам струился пот.

Мигель, смотря на обмелевшее озеро, на всё то, что от него осталось, вспомнил рассказы стариков о нём.

Они, обращаясь в своих воспоминаниях в прошлое, говорили: озеро образовалось лет сто пятьдесят-сто восемьдесят тому назад в результате сильнейшего землетрясения – когда горы ходили ходуном и перемещались с одного места на другое. Много людей и животных погибло тогда, много – вспоминали они. Вот тогда-то, в результате перемещения гор, образовалось это ущелье и естественная плотина, перегородившая его. При ежегодном таянии снега в нём всё больше и больше накапливалось воды, пока она не заполнила его полностью. Потом, откуда-то появилась в нём рыба. Старики говорят, что икру рыб принесли на своих лапах птицы – утки и гуси.

Озеро лежало у его ног, спокойное, ласковое, в окружении зелёных зарослей кустарников, а выше, дремал лес. Казалось, оно ещё нежится после ночного сна, и если бы не пришедшие люди и не первые, робкие лучи солнца, появившиеся над горой, оно бы так и продолжало наслаждаться сном.

От озёрной глади веяло прохладой и каким-то особым запахом, присущим только горным озёрам с чистой водой.

Неожиданно прилетевший ветерок-проказник проскочил по поверхности озера и покрыл его лёгкой рябью. Лучики солнца, спокойно лежащие на зеркальной глади озера, мгновенно зашевелились и отразились в нём тысячами блестящих зайчиков. И показалось Мигелю, что оно сразу же задышало, оживило.

Мигель, как и раньше, приходя сюда, залюбовался открывшейся перед ним изумительной картиной. Его всегда восхищала красота этого места и, если бы не заботы бытия, он так бы и сидел, наслаждаясь увиденным.

Они с Хосе, всё-таки нашли штук пять червей и, насадив по одному на крючки, забросили снасти в воду. Минут через двадцать, как всегда неожиданно, у Хосе поплавок резко пошёл в глубину, и была вытащена первая рыба, весом в пару фунтов.

Хосе даже запрыгал от радости.

Поняв, что рыбу можно поймать и на самодельную снасть, Мигель оставил мальчика заниматься ловлей, а сам пошёл в обход озера, в лес, чтобы поставить петли.

Деревья росли террасами по крутым склонам ущелья, поднимаясь от озера вверх ярдов на сто, максимум – сто двадцать, а ещё выше громоздились лишь скалы, расположенные в хаотическом порядке, и настолько крутые, что обыкновенному человеку их не преодолеть.

Хватаясь за кусты, росшие между деревьями, он поднимался вверх, к скалам.

Воздух после прошедших дождей был чист и одуряюще пах хвоей. Под ногами лежал, ещё непросохший хвойный настил, и Мигелю стоило больших усилий карабкаться вверх.

Над головой изредка пролетали, прыгая с дерева на дерево, шиншиллы. Эти юркие грызуны, нечто среднее между зайцем и тушканчиком – маленькие, кроткие и боязливые, очень ценились женщинами их деревни за прекрасный мех, идущий, в основном, на головные уборы.

Но сейчас Мигеля интересовала другая добыча. Он хотел поймать Вигонь – дикую козу, стройную и изящную, с вкусным мясом и, если хорошо выделать, с прекрасной шкурой для мокасин и плащей. Вигони передвигались группами по пять-десять голов во главе с козлом и, пощипывая траву, росшую в щелях камней и между скалами, всегда были настороже. При

малейшем шуме они моментально скрывались среди скал. Поймать их было невозможно, или, почти невозможно, но Мигель надеялся на свою удачу.

Выбрав пару приглянувшихся мест, Мигель поставил петли, привязав их к росшим здесь карликовым деревьям, и хорошенько замаскировав их, спрятался в лесу.

Сколько времени придётся ждать, он не знал. Вигони могли прийти, а могли вообще не появиться – ни сегодня, ни завтра. Закутавшись в пончо, он прилёг за деревом и стал терпеливо ждать, изредка посматривая в сторону ловушек.

Козы возле ловушек всё не появлялись. Лишь однажды он заметил стройные силуэты нескольких коз, расположившихся ярдах в двадцати выше от ловушек. Они грациозно расположились на крутой скале и пока не думали спускаться вниз. Эх, был бы сейчас у меня в руках лук, а ещё лучше, арбалет! – размечтался Мигель. На таком расстоянии я бы точно подстрелил козочку, и было бы у нас на ужин мясо...

Он прикрыл глаза и тут же перед его мысленным взором предстал кусок козлятины, и он даже почувствовал во рту аромат жареного мяса. Рот тут же наполнился слюной, в животе забурлило, и он понял, как голоден. Да, на одной кукурузе долго не протянешь! – подумал он и открыл глаза.

Пока он, с закрытыми глазами мечтал о жареном мясе и наслаждался его запахом, козы исчезли. Он внимательно осмотрел всё пространство – пусто! Козы пропали словно мираж, поманивший путника прохладной водой широкой реки в пампасах и, обманув его, исчез.

Солнце высоко поднялось в голубое небо, на котором не было ни облачка. Высоко, так высоко, что казался не больше горлинки, огромный кондор плавно описывал круги, высматривая добычу.

В лесу стало очень душно, и Мигель решил, что пора возвращаться в пещеру.

Спустившись вниз, он застал Хосе, неподвижно сидящего с удочкой в руках. Обернувшись на шум шагов Мигеля, он приложил палец к губам и прошептал:

– Тише ты! У меня рыба клюёт!..

Мигель остановился и в тот же миг деревянный поплавок ушёл под воду. В воздух, блеснув серебристой чешуёй, взлетела подсеченная мальчишкой очередная рыба и упала рядом с ним.

Десятая! – радостно сообщил он. Сегодня хороший клёв.

Молодец! – похвалил его Мигель. Собирай свой улов. Пора возвращаться. Нас, наверное, заждались.

Вернувшись, они застали всех в сборе.

Девушки были чумазы и руки их были грязны, но на лицах, повернутых в сторону вошедших, блуждала счастливая улыбка.

Быстро окинув взглядом пещеру, Мигель понял причину их счастливых улыбок. Костёр был перенесён к ближней от входа стене и обложен крупными камнями. Искусственная чаша костра была диаметром не более полутора футов и двух дюймов, и почти вплотную примыкала к стене. В ней весело потрескивая и изредка выстреливая искрами, горел небольшой костёр, а вокруг чаши, на расстоянии двух футов, лежало несколько больших валунов, на которых можно было сидеть. Пол пещеры был тщательно подметён и сиял чистотой...

– Ух, ты! – восхитился Хосе, увидев новую обстановку пещеры.

– Молодцы, девушки! – искренне похвалил их Мигель. Вы всё устроили просто замечательно, а про себя подумал – «Женщина всегда остаётся женщиной, даже в самой, казалось бы, непригодной для неё обстановке. Всюду она пытается навести чистоту, порядок, и создать, по возможности, хоть минимальный уют».

– А мы вам рыбы принесли! – перебив его мысли, радостно сказал Хосе, и на лице его появилось гордое выражение. Это всё я наловил, один!

Хуанита взяв у него рыбу, слегка приобняла и, погладив по голове, похвалила:

– Ты у нас настоящий мужчина и кормилец. Молодец!

Хосе, не ожидавший такой ласки, покраснел и, увернувшись из-под руки девушки, смущённо пробормотал:

– Чего уж там, – и присел у костра.

Раза четыре за два дня навевывался Мигель к своим ловушкам, но они всегда были пусты, словно вокруг не было ничего живого и козы не прыгали по скалам.

Зато Хосе превратился в заядлого рыбака. Каждый день, принося улов, он гордо поглядывал по сторонам, всем своим видом показывая, что он не какой-то там, неоперившийся птенец, а настоящий мужчина и, как сказала тётя Хуанита, кормилец.

* * *

В один из дней, это было на четвёртый или пятый день их жизни после ухода Игнасио, Мигель решил спуститься к развалинам деревни и посмотреть, не найдёт ли он чего-нибудь полезного для их маленькой общины.

Ковырнув мачете в одном, другом месте, переходя от одной бывшей постройки к другой, он обшаривал взглядом окружающее его пространство, но ничего стоящего пока не нашёл.

Для обратного пути он выбрал направление, несколько иное. Сместившись ярдов на двадцать в сторону и вправо, он опять перелезал через завалы деревьев и обходил валуны. Вскрывая землю в местах привлёкших его внимание, он почти уже закончил второй проход, как вдруг наткнулся на торчащую из ещё сырого ила, трубку, очень похожую на направляющую арбалета. От одного только вида находки у него бурно забило сердце!

Опустившись на колени прямо в грязь, он дрожащими от волнения руками, принялся освобождать её, и вскоре оказался настоящий, столь желанный, арбалет. Взяв его в руки, он аккуратно обтёр его и стал внимательно рассматривать. На первый взгляд всё было на месте. Сбоку арбалета в особом гнезде лежали стрелы.

Обхватив его и нежно прижав к груди, словно это был не бездушный арбалет, а долгожданный ребёнок, Мигель быстрым шагом направился к пещере.

На пути у него встретилась небольшая запруда, образованная стволом дерева, несколькими крупными камнями и разнообразным сором. Глубина воды в запруде достигала одного фута и пяти дюймов. Её было достаточно, чтобы полностью промыть оружие, что Мигель тут же и сделал, осторожно разобрал арбалет.

Десять стрел, смазанных салом, совершенно не пострадали, пролежав столько дней в сырости, и матово блестели в лучах скрывающегося за вершиной горы, вечернего солнца.

Найденное оружие с запасом стрел, так обрадовало Мигеля, что он, украдкой осмотревшись и убедившись, что вокруг никого нет, громко прокричал: «Спасибо тебе Виракоча за твою помощь нам!» И в порыве молитвенного экстаза, исполнил танец охотника.

Рассматривая детали арбалета, лежащие на большом камне для просушки, он стал прикидывать появившиеся у него возможности, применимо к их новой жизни. Теперь их группа могла бы, если быть экономными, почти месяц не беспокоиться о мясе, решил он, но с одной небольшой оговоркой, поправил он себя – если каждый мой выстрел не будет сделан впустую. Мечты об успешной охоте невольно заставили его обратить свой взор в сторону гор.

Сколько помнит он себя, ему ни разу не пришлось выбраться из деревни в другие, более далёкие места, и всю свою сознательную жизнь, он видел перед собой только эти горы. Они никогда не имели постоянного вида. С каждым годом в них всегда что-то неуловимо менялось.

Особенно это было заметно даже после незначительных землетрясений, вызывающих только слабую дрожь земли.

А сейчас, после прошедшего землетрясения, когда Мигель и несколько его односельчан чудом остались живы, вершины горы стали совсем другими. Особенно та вершина, что расположена справа от ущелья, и в которой находится их убежище, их пещера, их временный, но

такой нужный, приют. Почему он, в первый же день после чудесного спасения, не обратил на это внимание?

Последний, вечерний луч солнца, спрятавшись за хребтом горы, теперь не слепил глаза, и не мешал Мигелю лучше рассмотреть возвышавшиеся перед ним, обе вершины горы.

Конечно, подумал он, если бы сейчас было раннее утро и солнце светило с востока, из-за моей спины, то было бы легче рассмотреть произошедшие изменения, но и теперь было видно, что изменения всё же произошли, и достаточно значительные.

Вершина, находящаяся с левой стороны ущелья, стала ниже и, казалось, самый пик вершины был срезан словно ножом, наискось. А вот правая вершина, наоборот, заострилась, и стала выглядеть как устремлённый в небо наконечник стрелы. Создавалось впечатление, что за счёт землетрясения вершина очистилась от наружного покрова: земля и скалы, словно кора с высушенного дерева, облетели с неё, и теперь она гордо возвышалась над окружающим её миром.

Ин-те-рес-но! – произнёс Мигель вслух, и даже почесал затылок. Что за оказия такая случилась с нашей горой? Вернусь к своим товарищам, обязательно расскажу. Они, наверное, не видели, как изменилась наша гора после землетрясения.

Пока Мигель рассматривал гору и удивлялся её изменённому виду, детали арбалета высохли, и он стал собирать его, предварительно аккуратно протирая каждую деталь подолом рубахи.

Собрав арбалет, он вложил стрелы в гнёзда, почувствовав при этом, как чувство собственного достоинства его необыкновенно возросло.

Положив арбалет на плечо, он теперь уже уверенно, как настоящий охотник, зашагал в сторону пещеры.

* * *

На следующий день, рано поутру, Мигель, прихватив с собой арбалет, отправился в горы. Матео пожелал ему удачной охоты, а Мария, обняв его и слегка прижавшись, прошептала:

– Возвращайся быстрее! Я скучаю без тебя! – и, немного покраснев, добавила, – любимый!

Но вернуться быстрее не получилось. Как назло за целый день он не увидел ни одной козы, и лишь поздним вечером, когда стрелять из-за плохой видимости цели уже было сложно, на одной из скал появилась коза с парой козлят.

Если бы она была одна, Мигель рискнул бы сделать выстрел, но он пожалел её из-за козлят. Пусть подрастут, решил он и, осторожно поднявшись, направился домой.

Следующий день оказался более удачным. В пятидесяти ярдах от его укрытия, на скалу выскочила коза и, застыв на месте, вдруг настороженно повернула голову в его сторону.

Испугавшись, что она скроется прежде, чем он хорошо прицелится, Мигель, прошептав – помоги мне Инти! – потянул за спусковой крючок. Щелчок выстрела и прыжок козы совпали по времени, но стрела, выпущенная из арбалета, оказалась проворнее козы.

Наверное, ТОТ, кто распоряжается нашими судьбами, помог мне, почти не целясь, подстрелить козу с одного выстрела, решил он, и пообещал ЕМУ при первой же возможности принести жертву. Взвалив добычу на плечо, Мигель быстрым шагом вернулся в пещеру.

Радости встречающих его не было предела. Девушки быстро освежали вигонь и, порезав на куски, положили их на раскалённые камни.

По пещере, дразня обоняние, распространился запах жареного мяса, и будь у них соль, это была бы «пища богов!». Но и так, питающиеся уже несколько дней кукурузой и картофелем, они с удовольствием поглощали ароматное мясо молодой козы.

За всеми заботами о пище, огне и оружии, Мигель совершенно потерял счёт дням, и только сейчас, уже почти задремав после сытной еды, он вспомнил об Игнасио и Родригесе, и резко сев, стал подсчитывать, сколько дней они здесь находятся.

– Ты чего всполошился? – сонно поинтересовался Матео и, приоткрыв глаза, посмотрел на него.

– Сколько дней прошло, как ушёл Игнасио?

– Не знаю, – помедлив, ответил Матео.

– А я, знаю! Уже подсчитал. Восемь дней! Если у него в дороге ничего не произошло, дня через два, максимум – три, он должен вернуться за нами.

– Дай-то Бог, чтобы это поскорее произошло, – вздохнул Матео.

Но, ни через три дня, ни через неделю Игнасио так и не появился.

Первой поддалась унынию Хуанита. Она, тоскуя по мужу, ходила грустная, опустив глаза, и больше не смеялась над каждой шуткой.

Мигель слышал как она по ночам, тихо вздыхая, чтоб никто не услышал, плакала. Он видел, как Мария, смотря на её страдания, пыталась её утешить, и старалась всё свободное время находиться рядом с ней, но это не помогало.

У остальных тоже начало портиться настроение. Надеясь на скорое прибытие Игнасио и Родригеса, все держались, но когда счёт дней перевалил за двадцать, наступил кризис.

Мигель забеспокоился, и стал подумывать о выходе всей группы вслед за ушедшими ранее, но тут же возникал вопрос, почему Игнасио не вернулся за ними? Может он вообще не смог добраться до Большой реки, или не смог переправиться через неё?

Вопросы, вопросы, и ещё раз вопросы, и никаких ответов на них!

В арбалете осталось семь стрел, а когда и их не останется, что тогда...? Ждать помощи...? Но она может прийти не раньше весны, когда торговый караван придёт к ним и привезёт всё необходимое для жизни на старом месте. А, если даже привезёт, чем они смогут расплатиться за товар? Взять в долг? А, если не дадут! Тогда они помрут от голода.

Тревожные мысли одолевали Мигеля, не давали покоя даже во сне, а решение всё не находилось.

Чтобы его товарищи совсем не упали духом, он для каждого из них находил какое-нибудь занятие: Хосе ежедневно посылал ловить рыбу и ставить силки. Девушек послал убирать оставшийся не убраным, картофель и кукурузу, а Матео заставил шелушить кукурузу и плести корзины для собранного урожая. Но время, безжалостное время, неумолимо приближало его к принятию решения...

Глава вторая КОРАБЛЬ

Завершался месяц их жизни в пещере. Вечером, после ужина, Мигель ходил взад и вперёд возле задней стены пещеры, к которой они не приближались из-за ненужности, и обдумывал путь движения его группы через пампасы.

Ни он, ни его товарищи дальше собственной деревни и прилегающих к ней десяти-пятнадцати миль территории, не заходили, но необходимость принять решение, назрела окончательно, и Мигель в ярости, не зная на что решиться, сжав кулаки, с силой ударил по стене.

Не встретив сопротивления, его руки прошли сквозь стену, а он, не ожидая подобного с её стороны, не удержался на ногах и, упав на пол, ударился всем телом.

Донельзя ошеломлённый случившимся, он лежал и растерянно моргал. И, стараясь не шевелиться, со страхом ожидал ещё какой-нибудь подлости от коварной стены.

Перед ним простирался длинный, шириной не более пяти футов и высотой около семи футов, проход, освещённый фосфоресцирующим бело-голубоватым светом.

Дальше тридцати ярдов рассмотреть что-либо было невозможно, но Мигель чувствовал, проход уходит ещё дальше, внутрь горы.

Он лежал, не шевелясь и почти не дыша – всё оставалось без изменения! Полежав немного времени он, совсем испугавшись окружавшей его тишины, и непонятного света, не вставая, ужом пополз назад, в пещеру.

Теперь уже осторожно, не касаясь стены, поднялся с пола и посмотрел вокруг – кажется, никто не видел его падения, его товарищи занимались своими привычными делами. Ещё раз оглянулся, чтобы убедиться, что никто не смотрит в его сторону и, с колотящимся от возбуждения сердцем, протянул руки к волшебной стене...

Руки без всякого усилия с его стороны ушли в стену, иии... ничего с ними не случилось.

Немного поразмышляв, Мигель, опасаясь неизвестной ловушки, сделал шаг, потом другой, и вновь оказался в освещённом коридоре. Оглянулся назад – за ним опять оказалась сплошная стена, такая же гладкая и без единого намёка на дверь.

Испугавшись, что он не сможет вернуться назад и останется в этом, полном неизвестности и тайн коридоре навсегда, Мигель сделал шаг назад, и... вновь очутился у себя в пещере.

Проделав этот опыт и убедившись, что это не ловушка, и вход в таинственный проход открыт в ту и другую сторону, он, с громко колотящимся сердцем, готовый быстро отпрыгнуть назад, уже смелее сделал шаг, затем другой.

Пристально всматриваясь в пространство перед собой, он медленно, стараясь не создавать лишнего шума, двинулся вперёд.

Проход, вернее, коридор, тянулся и тянулся перед ним, и был прям, словно стрела арбалета. Освещение не менялось, казалось, светом было пропитано всё пространство вокруг. Как ни пытался Мигель определить источник освещения, это ему не удавалось. И ещё на одно свойство света обратил он внимание – свет, как-бы перемещался вместе с ним, оставляя позади и впереди темноту, но эта темнота не внушала страха, и Мигель, окончательно осмелев, ускорил шаг.

Пройдя ярдов сто-сто пятьдесят, он точнее определить не смог, упёрся в металлическую лестницу, протянувшуюся вверх, футов на двадцать-двадцать пять.

На этом месте проход-коридор заканчивался. Остановившись в раздумье, Мигель смотрел на неё (лестницу), и всё никак не мог решиться начать подъём по ней. Страх неизвестности опять завладел им, но и любопытство одолевало. И любопытство оказалось сильнее страха, и он, поколебавшись ещё мгновение, нерешительно поставил ногу на первую ступеньку.

Ничего неожиданного с ним не произошло, и он стал, считая ступеньки, подниматься вверх.

На счёте тридцать семь лестница закончилась небольшой площадкой размером пять на пять футов и упёрлась в матово поблёскивающую в неверном, слегка мерцающем свете, стену.

Решив, что через эту новую стену, он сможет также беспрепятственно пройти, как и через первую, Мигель протянул руку, ожидая, что она пройдёт сквозь неё, но вместо пустоты и лёгкого покалывания, его рука наткнулась на прохладную и совершенно непроницаемую поверхность.

Тогда он стукнул по ней кулаком, потом сильнее, но стена не пропустила его, а он вынужден был подуть на руку, чтобы утишить боль от удара.

Поняв, что ОНА не пропустит его, он сел на пол площадки и, навалившись спиной на не пропускавшую его стену, задумался. Зачем было строить проход, изобретать освещение, если всё это никуда не ведёт? По всей длине прохода он не заметил ни одной двери, ни одного ответвления в сторону. Он был прям и вёл именно к этой стене. Значит! Думай Мигель, думай!

Он решил ещё раз, но более тщательно, осмотреть и прощупать стену.

Поднявшись на ноги, Мигель стал более внимательно присматриваться к стене и водить по ней рукой. Неожиданно его рука нащупала тонкую, совершенно не заметную для глаз, как бы вдавленную линию. Осторожно, чтобы не потерять её, он повёл по ней пальцем..., иии... очертил перед собой овал, похожий на вход в их пещеру.

Похоже на то, что это всё-таки вход, решил он, и ещё внимательнее присмотрелся к очерченному им овалу. Наконец, с правой стороны овала, на высоте своего плеча, он обнаружил еле заметное углубление, чем-то напоминавшее отпечаток ладони.

Поразмыслив несколько мгновений и удивлённо покачав головой, Мигель пробормотал: «Ничего страшного со мной не случится, если я приложу, конечно, ради любопытства, свою ладонь к той, что выдавлена в стене».

Но всё же, какое-никакое сомнение в нём ещё оставалось.

Ещё немного поколебавшись, и непроизвольно задержав поднятую руку, с мыслью – как бы чего не случилось от его затеи – он осторожно положил свою ладонь в углубление.

Раздался еле слышный шорох, обнаруженные им контуры наполнились светом, и перед его взором они поползли в сторону. Открылся проём, и в нём, с неожиданно вспыхнувшим ярким светом, на архаичном языке «Кечуа», прозвучал мягкий голос:

– Добро пожаловать на борт, Турикук!

* * *

Испугавшись вспыхнувшего яркого света, и особенно человеческого голоса, Мигель шарахнулся от входа, и по лестнице, скача быстрее молодой козы, скатился вниз, и остановился только, у её изножья, на полу коридора. Быстро оглянувшись, он никого в проёме двери не увидел, и ни кто его не преследовал.

А голос, словно ничего не произошло, всё тем же ровным голосом, продолжал: «...все системы корабля работают в заданном режиме. Корабль готов к межпланетному перелёту».

Странно! Никого нет, а голос есть! – подумал Мигель и, почему он говорит на кечуа? И почему он назвал меня Турикук? Турикук..., Турикук..., как же переводится это слово на наш язык? – он чуть задумался, вспоминая дедово учение. Ах, да, вспомнил! Турикук – смотритель селения со стороны Правителя (управляющий, поставленный Верховным правителем, над митимайями – местными жителями).

Хорошо, что мой дед научил меня с грехом пополам говорить на кэчуа, совершенно древнем, не применявшемся сегодня наречии, и зачем?

И потом, причём здесь корабль и разные там системы? Здесь гора, а не какой-нибудь океан! Непонятно!

Мигель ещё немного постоял в раздумье: а что, если подняться и посмотреть, кто там разговаривает? Не съест же он меня. Я ведь могу и сдачи дать.

И, уже не думая, но остерегаясь всяких неожиданностей, он взял в руки мачете и поднялся к открытому, словно приглашающему войти, отверстию в стене. Прошептал – «Инти, спаси и помилуй меня!» – сделал робкий шаг в освещённую внутренность.

За проёмом всё также было светло и пусто. Голос молчал. Подождав – не скажет ли он ещё что-нибудь, Мигель осторожно, поминутно оглядываясь (вдруг кто-нибудь зайдёт сзади), делая короткие шаги и двигаясь вдоль проложенной по полу разноцветной полосы, пересёк ярко освещённое помещение.

Не успел он сделать и десяти шагов, как перед ним неожиданно открылась ещё одна дверь. Мигель осторожно заглянул внутрь помещения, и непроизвольно вскрикнул: «Вот это даа!» – и от восторга даже присвистнул.

Сделав ещё один шаг, он оказался в круглом помещении, диаметром не менее двадцати футов и высотой..., Мигель задрал голову, чтобы посмотреть вверх. Да..., здесь не меньше, если не больше пятидесяти футов высоты, решил он. Ярко освещённое всё тем же необъяснимым светом, оно хорошо просматривалось. Дверь за его спиной моментально закрылась, но он уже почему-то не боялся быть запертым.

Посредине помещения, от пола до потолка, возвышалась изготовленная из какого-то прозрачного материала, труба, диаметром, приблизительно, около пяти-шести футов. Вокруг трубы вилась металлическая лестница с площадками через каждые десять футов, которые опоясывали эту трубу, а от площадок в четырёх направлениях отходили короткие, фута по четыре-пять, переходы, упирающиеся также в площадки, проходящие по периметру круглой стены.

На каждой площадке, а их было четыре, в трубе были проделаны отверстия по величине, достаточной для прохода человека.

Ин-те-рес-ная лестница! – подумал Мигель. Раз уж я попал в это очень необычное место, подняться, что ли, и посмотреть, куда она ведёт?

Приняв решение, он не стал медлить, а осторожно наступая на каждую ступеньку, и держа наготове нож, стал медленно подниматься по крутой лестнице.

На первой площадке он остановился в раздумье. Постоял, оглядываясь по сторонам и прислушиваясь – ничто не нарушало тишину. Два-три раза вздохнув, затаил дыхание, и двинулся по одному из переходов в сторону боковой стены.

Лестница и переходы хорошо освещались, и Мигель сразу же увидел такую же, чуть утопленную в стену, ладонь, как на входной двери. Приложив к ней руку, он услышал чуть слышное шипение и дверь, теперь он совершенно этого не испугался, отошла в сторону.

Перед его взором предстало небольшое помещение, размером пятнадцать на десять футов и высотой до восьми футов. В нём, вдоль стен, в каких-то расположенных вертикально прозрачных ящиках, стояли одетые во что-то непонятное, люди, а на головы их были надеты круглые, блестящие шары с прорезями для глаз.

Мигель так испугался, что у него задрожали колени, и прервалось дыхание.

Он стоял, боясь пошевелиться, и во все глаза разглядывал людей в ящиках. Их

было не меньше дюжины. На его появление они никак не отреагировали: они всё так же, не произнося ни слова, продолжали стоять, и никаким движением не отреагировали на появление Мигеля.

Превозмогая страх, Мигель поднял мачете и громко, чтобы показать, что он их совершенно не боится, крикнул: «А ну, выходи! Просто так я, Мигель Пуэмблос, не дам себя убить!»

Но стоявшие в шкафах люди даже не шевельнулись.

Страх постепенно стал покидать индейца и, всё ещё держа нож наготове, он сделал шаг, затем другой.

Люди в шкафах опять никак не отреагировали на его перемещение.

Приблизившись к ним вплотную, он с любопытством стал рассматривать их.

Что-то знакомое было в их одежде. Он когда-то, очень давно, видел нечто похожее, но вот, где?

И память услужливо подсказала – он такие костюмы видел в одной из прочитанных книжек про моря, корабли, и этих... как же их? Он наморщил лоб, усиленно вспоминая название людей, которые ходят по дну моря. Словно искра проскочила в его мозгу и подсказала ему ответ – их называют во-до-ла-за-ми. Вот как! Ну, конечно же, водолазы! И они надевают на себя, тут память его сработала быстрее – скафандры.

Но, зачем здесь скафандры? Ведь до океана на Востоке... никак не меньше двух тысяч миль, а на Западе – нужно перейти через наши труднопроходимые горы, а потом ещё, как говорил мой дед, миль триста-четырееста до побережья другого моря. Странно!

Выйдя из комнаты со скафандрами, Мигель прошёл по кольцевой площадке вдоль стены и открыл следующую дверь. В ней, на полках, лежали какие-то блестящие инструменты. Среди них он увидел и знакомые ему с детства – несколько молотков, топоров и пил. Что ж, это очень полезный в жизни инструмент, и стоит он очень дорого, восхитился находке он!

Так значит это хранилище инструментов для хозяйства, решил он. Прихватив с собой топор и пилу, он насмелился подняться на следующую площадку.

Открывая по очереди одну за другой двери, и заглядывая в помещения, он поднялся до последней, четвёртой площадки.

В тех помещениях, что расположились на предыдущих площадках, он нашёл только какое-то переплетение труб и змеевиков. А два помещения были заполнены, неизвестного назначения, приборами. Они тихо позвякивали, перемигивались разноцветными огоньками, издавали какой-то писк и нежно, как кошки, мурлыкали.

Иногда Мигелю слышалось, или это ему показалось, что они шёпотом переговариваются между собой, но что они говорят, он так и не смог понять.

В этих комнатах он провёл много времени: рассматривал приборы и слушал, как они перешёптываются между собой. Он хотел прикоснуться к ним руками, пощупать, нажать какую-нибудь понравившуюся ему кнопку, но так и не сделал этого, не хватило смелости.

Помещения на четвёртой площадке ему особенно понравились. Это были, так он решил, помещения, специально приспособленные для сна и отдыха. Открыв дверь в первое же помещение на четвёртом ярусе он, при неярком, льющемся с потолка свете, стал рассматривать его содержимое.

По бокам длинных стен были расположены два, приподнятых над полом фута на полтора, лежака, застеленные красивыми цветастыми накидками. А в изголовье каждого, стояла тумбочка с множеством кнопок и каких то, совершенно непонятно для чего предназначенных, светящихся голубоватым светом, круглых и прямоугольных окошек. Перед лежаками, почти у самой входной двери, с обеих сторон он увидел ещё две двустворчатые двери. Осторожно открыв их, он заглянул внутрь.

Это были шкафы, не так грубо сделанные, как у его родителей, а гладкие, с тщательно отполированной, матовой поверхностью. На металлических крючках висела разнообразная одежда, вплоть до плащей. На полке, расположенной на уровне головы, лежали разнообразные головные уборы.

А прямо напротив входной двери, чуть ближе к торцевой стене, стоял небольшой круглый стол на толстой, фута два толщиной, ножкой, и двумя, тоже круглыми седушками.

Стены и седушки были обтянуты цветной, хорошо выделанной, кожей.

Ошеломлённый таким богатством, Мигель минут пять стоял, не двигаясь, рассматривая и любуясь увиденным, и мечтал – как было бы хорошо жить здесь с Марией, а не в пещере.

Налюбовавшись красотой и убранством жилых помещений, он решил продолжить осмотр этой, такой огромной, и такой чудесной хижины.

Оставалось не исследованным на этом, четвёртом ярусе, последнее, пятое помещение.

Дверь открылась, также как и предыдущие, от прикосновения его ладони к выемке в стене и чуть слышного шума.

Впереди было темно, но как только Мигель переступил через черту, отделяющую наружную площадку от помещения, оно тут же осветилось мягким голубоватым светом, и голос, слышанный им раньше, внизу, но теперь более строго, произнёс:

– Турикук на мостике! Всем встать для положенного по ритуалу приветствия!

Мигель, в этот раз не так сильно испугавшийся голоса, осмотрелся вокруг, надеясь увидеть и говорившего, и какого-то Турикука, и находящихся в помещении людей, но кроме расположенных полукругом у большого, наклонного стола десятка мягких сидений, ничего не увидел. Подойдя к столу ближе, он ахнул от изумления!

На столе, сияя разноцветными огоньками, была расположена какая-то звёздная карта. Он это сразу понял, как только увидел её на столе. Между огоньками-звёздами, словно связывая их воедино, пролегали мерцающие различными цветами, тоненькие линии.

Мигель смотрел на неё и не мог понять, какой участок неба здесь нанесён? Он помнил расположение и название почти всех звёзд на *своём* небе, его этому настойчиво учил дед, приговаривая: «Запоминай, крепко запоминай. Тебе это пригодится в жизни». На что Мигель, посмеиваясь над причудами деда, отвечал: «Ага, чтобы коз и Лам гонять на пастбище!». Дед сердился, но продолжал настойчиво вдавливать ему в голову различные знания.

Но вот эти звёзды, ему не были знакомы! Особенно ярко блистали голубая и зелёная звёзды, соединённые между собой красной мерцающей линией.

Как ни напрягал он память, вспомнить этот участок карты он не мог.

Ладно, махнув рукой, пробормотал он, потом разберусь.

Его внутренние часы говорили, что уже далеко за полночь, и необходимо срочно возвращаться в пещеру, к товарищам. Они могут, чёрт знает, что подумать, не увидев его в пещере, а разыскивая его среди ночи в горах – мало ли, что может произойти во время этих поисков!

Ещё раз, словно запоминая, он посмотрел на звёздную карту и направился к выходу.

Мигель уже немного привык к тому, что двери помещений при его выходе, без каких-либо действий с его стороны, сами закрывались, и уже не пугался.

И сейчас, покидая эту чудо-хижину или, как называл её голос – корабль, он и теперь не испугался, когда за ним закрылся проход в чудо-помещение. Когда же он стал спускаться, по выходящей вокруг светящейся центральной трубы лестнице, в коридор, тот сразу же осветился при его появлении.

В последний момент, когда за ним закрывалась дверь корабля, он услышал, как всё тот же мягкий голос, на кечуа произнёс: «Турикук покинул корабль! Все системы перевести в режим ожидания!»

Мигель ускоренным шагом продвигался в сторону выхода из прохода, и свет, двигаясь впереди него, освещал путь.

В голове, независимо от его желания, быстрым потоком проносились мысли, и главная из них была – корабль пуст. В нём нет людей и он, вместе со своими друзьями, может спокойно занять в нём помещения для отдыха. Они ни в какое сравнение по удобству не идут с теперешними удобствами. И там есть одежда! Та, которую они носят сейчас, хоть и чиста, но вся поистрепалась, и в ней много дыр, сквозь которые просвечивает голое тело.

Он не смог за такой короткий промежуток времени тщательно осмотреть все помещения, и он не может с уверенностью ответить на вопрос – есть ли там хоть какая-то пища? Переселившись на корабль (Мигель постепенно стал привыкать к этому слову), они все вместе обыщут его снизу доверху и найдут (если найдут) всё, что необходимо для жизни.

Судя по архаичному наречию голоса, стрел для арбалета конечно на корабле нет, но может быть, на нём есть другое охотничье оружие? Тогда они смогут спокойно перезимовать,

а дождавшись весны, двинуться в путь, поближе к другим людям... , или же, или же останутся здесь навсегда.

Мигелю, так понравилось всё увиденное, что он в душе лелеял мысль – его товарищи, увидев всю эту красоту, тоже не захотят покинуть открытую им новую хижину-корабль

* * *

Мигель, задумавшись, даже не заметил, когда закончился проход, и он, не приняв никаких мер предосторожности и не сбавляя шага, прошёл сквозь стену. Он лишь на мгновение почувствовал лёгкое покалывание в теле.

Быстрым взглядом, окинув пещеру, он увидел: и девушки, и Хосе с Матео, сидят у костерка, и при его появлении, повернули головы в его сторону.

На какой-то короткий миг он оказался в обрамлении мерцающего света из прохода. И этого оказалось достаточно для людей, верящих в божественное. Он услышал, и увидел, как Матео и Мария, вдруг побледнев, прошептали: «Виракоча! Сапа-Инка!» А ещё через какое-то мгновение его односельчане, его товарищи, уже лежали, распростёршись ниц на полу и прикрыв голову руками.

– Что с вами? – ничего не поняв, и даже несколько опешив, спросил Мигель. Какой, такой... Виракоча?

У него даже в мыслях не было, что его неожиданное появление из стены пещеры, в обрамлении голубоватого мерцающего света, приведёт людей в благоговейный экстаз. И, поэтому, он вновь спросил:

– Что ещё за Виракоча, какой-такой Сапа-Инка? Что это вы повалились на землю, как скошенная кукуруза?

Первой подняла голову Хуанита, и он услышал её чуть дрожащий голос:

– Мигель, это ты?

– Конечно, я! Кто же ещё, Око-Пака?

Постепенно и остальные чуть приподняли головы, но в глазах их, сколько мог рассмотреть Мигель, читались недоверие и страх.

– Аа-а, ты как сюда попал? – услышал он тихий, настороженный голос Матео.

Вот тут Мигель, не подумавши над ответом, брякнул, и допустил ошибку.

– Откуда, откуда? Маленький, что ли? – и, повернувшись к стене, показал на неё пальцем. Вот откуда!

Его друзья вновь распростёрлись на земле, и он услышал, как они, один за другим, громко запричитали:

– Прости нас Виракоча! Прости Сапа-Инка! Прости наше неразумие! Не наказывай нас строго, мы верные твои рабы!

Мигель, потрясённый увиденным и услышанным, не знал, что делать и как поступить в данной ситуации. Он понимал, всё это недоразумение случилось по его вине, по его неосторожности, и теперь лихорадочно решал, как выйти из созданного им самим, неприятного положения.

Он видел, его друзья, боясь божественного наказания, со страхом ожидают его слов, украдкой бросая на него свои взгляды, а он всё молчал, не находя слов для объяснения.

Затянувшуюся паузу нарушила Хуанита, робко, не отрывая взора от пола, произнеся:

– Виракоча... Мигель, разреши нам встать с земли. Так нам легче будет воспринимать твои наставления.

Проговорив эти слова, она опять в страхе распростёрлась на полу.

Мигелю ничего не оставалось, как вступить в эту, им самим необдуманно спровоцированную, игру.

– Встаньте с пола и ложитесь спать! – и, тяжело вздохнув, добавил, – завтра поговорим.

Наблюдая, как искоса бросая на него свои недоверчивые взгляды, почти в страхе, медленно расходятся по своим, давно облюбованным местам Хуанита с Марией и Матео с Хосе. Он видел, он хорошо знал и понимал, они сейчас покорно пойдут спать, но никто из них не сомкнёт глаз до утра, также как и он. Они напуганы произошедшим, и они не знают, что их ожидает завтра. А неизвестность, как правило, гонит сон, как ветер гонит пыль.

Как им завтра объяснить, что случившееся с ним – это только стечение обстоятельств, и никакой он не Виракоча, а всё тот же Мигель, чуть более начитанный, чуть более образованный, и всё это благодаря своему, такому умному и доброму, деду?

Как, не напугав их робкие души, провести сквозь стену и показать им корабль с говорящим духом? Тут, неожиданно появившаяся мысль, окончательно выбила его из колеи. А вдруг только он может проходить сквозь стену? Тогда уже односельчанам ничего не объяснить. Они будут считать его Божеством, и их невозможно будет переубедить, что это не так.

Он, конечно, слышал от своего деда легенду о Божестве, создавшем мир Чавинков. Тот много об этом рассказывал, и даже намекал, что он, дед, прямой потомок одного из братьев.

Односельчане их тольдерии почти все, или почти все, также верили, что они потомки легендарного Инка – одного из четырёх братьев, вышедших из пещеры на острове Титикака, неподалёку от Тиауанако. Они также верили, что один из братьев, вышедших на свет, к солнцу, вернулся в пещеру.

Теперь, после его появления из стены, в сердцах живущих с ним рядом, и делящих кров и пищу односельчан, он стал тем, *вернувшимся в пещеру братом*, или, в крайнем случае, его прямым потомком. Это ещё больше осложняло его положение.

Перебирая по памяти, увиденные в корабле чудеса, он одновременно искал ответы на сотню крутящихся в голове вопросов: как попал в их горы корабль и, что этот корабль здесь делает, вдали от океанов? Как вести себя с друзьями? И ещё много-много вопросов крутилось в его голове, и все они требовали ответа или решения.

Но он не мог, вот так, сразу, найти сколько-нибудь приемлемого ответа или решения ни на один из вопросов. И его мозг, перенасыщенный впечатлениями дня и огромной работой, отключился.

Мигель, неожиданно для себя, крепко уснул. Проснулся он, судя по свету, падавшему от входа в пещеру, достаточно поздно.

Вокруг его ложа, стоя на коленях и опустив глаза долу, расположились его друзья и безмолвно ожидали его пробуждения. В руках они держали куски жареной козлятины, печёный картофель и кукурузу.

Мигель, ещё не пришедший в себя после крепкого сна, широко распахнув глаза и ничего не соображая, уставился на них.

– Вы... Что с вами? – пробормотал он, ещё не совсем проснувшимся голосом.

– Сапа-Инка, Мигель, прости нас, что потревожили твой сон, – тихим голосом и низко кланяясь, проговорил Матео. Мы, неразумные, подумали, что встав ото сна, ты захочешь поест, вот мы и...

Мигеля, как обухом по голове, которым забивают скот на мясо, стукнуло. Он вспомнил свой вчерашний день и своё возвращение в пещеру, и от бессилия что-либо изменить, глухо застонал.

А Матео, всё так же низко склонившись, продолжал: «Мы бы хотели подать тебе воду для омовения, но мы бедные люди и ты сам знаешь, у нас нет посуды».

И они, то есть, Мария, Хосе, Матео и Хуанита, все разом, как один, склонили головы ещё ниже.

Что же делать, что же делать?.. Вот наказание Господне! – лихорадочно думал Мигель. Ну надо же мне было попасть в такое дурацкое положение и именно сейчас, когда нужно вести их на корабль! А проход сквозь стену вообще вышибет из них последние мозги...

Разозлившись на этих, склонившихся перед ним людей, не видевших в своей жизни ничего, кроме нужды и слепого следования установленным в течение сотен, а может и тысяч лет, порядков, и на своё бессилие, он уже готов был сорваться и закричать на них, но вовремя остановил себя. Это ещё больше испугает их – с горечью подумал он.

Кое-как сдержавшись, он ровным голосом попросил их подняться с колен и дать ему возможность самому заняться собой. Они тут же выполнили его просьбу и молчаливой группой отошли в угол, к костру.

Умывшись и перекусив подогретой на костре козлятиной, Мигель попросил всех сесть у костра. Они, боязливо поглядывая на него, покорно стали на колени и уселись на пятки.

Господи, до чего же они меня боятся! – подумал он, наблюдая за их действиями. Но ничего, дайте срок, я отучу вас раболепствовать и преклонять колени передо мной!

Он приготовился произнести перед ними, чуть ли не целую речь, но получилось скомкано и нескладно.

Рассказав подробно о своей находке, он замолчал, решив дать им возможность, перевернуть всё услышанное. Только ещё одно попросил он в конце своей импровизированной речи: он попросил верить ему и ничего не бояться, потому, что он, Мигель, будет всегда рядом с ними.

Смотря на склонивших головы друзей, он не был до конца уверен, что они всё поняли.

Они в ответ, соглашаясь, кивали головами, но в глазах их продолжали жить страх и недоверие. А когда он просунул руку сквозь стену и вытащил её обратно, чтобы показать, что ничего страшного и невозможного в этом нет, они попадали на пол и распростёрлись ниц, бормоча молитвы и призывая его не наказывать их.

Вот дьявольщина! – ругнулся он тихо. Как же мне протащить их сквозь стену? Поняв, что сейчас он не сможет их убедить, он отошёл к костру и, сев на камень, погрузился в раздумья.

Может их по одному на руках перетащить? – мелькнула шальная мысль. Вот крику то будет и вою! – улыбнулся он. Нет, так нельзя делать, я их ещё больше напугаю, а что, если..., и он, поднявшись с валуна, подошёл к Марии.

Мелькнувшая у него мысль показалась ему вполне выполнимой, при условии, что Мария его, действительно, беззаветно любит, и готова ради него на всё. Если же страх перед «Божественным» пересилит её любовь, то...

– Мария, пойдём со мной на свежий воздух, погуляем, – и, взяв девушку за руку, повёл наружу.

Она покорно, не поднимая глаз на него, и ничего не говоря, встала и пошла за ним.

Уйдя подальше от глаз и ушей товарищей, Мигель приступил к выполнению своего, быть может и безумного, но сейчас очень ему нужного, плана.

Преодолев сопротивление любимой, он взял её за руку и заглянул в её большие, прекрасные глаза. В них он увидел одновременно: покорность, восхищение им, и безграничную любовь.

– Мария, ты любишь меня? – спросил он нежно, и попытался, как и до этого прежде, прижать её к своей груди.

Она в ответ, не произнося ни слова, кивнула головой и, чуть посопротивлявшись, позволила ему прижать себя и обнять. Положив голову ему на грудь, она протяжно вздохнула, а потом тихо (он почувствовал, что она плачет), и иногда прерываясь от волнения и поминутно вытирая слёзы маленьким кулачком, заговорила своим нежным голоском:

– Сапа-Инка, Мигель, ты не бросишь бедную девушку, любящую тебя всем сердцем? А, если я тебе теперь больше не нужна, и у тебя есть твоя божественная супруга, позволь мне всё же, как и прежде любить тебя. Не прогоняй меня от себя, пожалуйста. Я буду верной твоей рабыней до конца жизни.

И, прошептав все эти слова, она подняла на Мигеля глаза, из которых ручьём, словно драгоценные жемчужины, катились слёзы.

* * *

...Так ты поможешь мне Мария? – спросил он у неё, заканчивая свой затянувшийся монолог. Верь мне, я не дам упасть и волоска с твоей головы.

– Сапа-Инка..., Мигель! Теперь я твоя верная жена и покорная рабыня, – прижавшись к любимому, ответила она, – и если ты направишь свои стопы даже в Подземный Мир, я всё равно последую за тобой! – закончила она шёпотом.

И в подтверждение своих слов, шестнадцатилетняя девчонка, молитвенно сложив руки, поклонилась ему.

Вернулись они в пещеру уже перед заходом солнца. Все скрытно, но с заметным любопытством посматривали на них.

Мария так и светилась вся, сияя от счастья и любви. Её глаза, полные тепла и ласки, были неотрывно прикованы к Мигелю.

Сельчане мгновенно поняли, что между Мигелем и Марией произошло, и не осуждали ни его, ни её, а наоборот, как показалось ему, были даже довольны случившимся. Он быстро разгадал их мысли. Они, по простоте душевной и своей извечной жизненной хитрости, решили – раз Мария, простая смертная девушка стала женой Сапа-Инки Мигеля, то и они, её ближайшие друзья, смогут получить хоть какую-то выгоду от этого брака, а может даже покровительство.

Всё эти чувства так явственно читались на их лицах, что он бы рассмеялся во всё горло, если бы это не было так грустно.

После ужина, когда у всех сытно поевших людей, приходит благодушное настроение, он решил – пора!

Взяв за руку Марию и позвав остальных за собой, он подошёл к стене, через которую ещё вчера, так неожиданно прошёл. Пристально, как бы гипнотизируя, он посмотрел ей в глаза и прошептал: «Любимая, ты обещала!»

В её глазах метался страх, но она, вся сжавшись, закрыла глаза и, соглашаясь, кивнула. Так, вместе, рука об руку, они и шагнули сквозь стену.

Опять было покалывание в теле, а через мгновение они оказались с другой стороны стены.

В коридоре тут же включилось невидимое освещение.

Мария стояла рядом, цепко ухватившись за его руку, и крепко зажмурилась.

– Любимая! – нежно прошептал он, – открой глаза, всё уже позади.

Он смотрел на неё и видел, как она медленно, с опаской, открывает глаза, а потом сразу же распахнула их во всю ширь. Страх почти ушёл из них – осталось лишь огромное любопытство и удивление.

– Вот видишь, милая, всё уже позади, и мы с другой стороны стены.

– А, что это за проход и куда он ведёт? – проворковала она и показала рукой в глубину коридора.

– Я же вам рассказывал.

– У меня всё перепуталось в голове, Мигель, и я... Я почти всё забыла.

– Хорошо, хорошо, я тебе, потом, всё ещё раз расскажу, а сейчас мы должны вернуться за остальными. Ты не боишься?

– Боюсь, но я опять закрою глаза. Ты позволишь мне это сделать, Сапа-Инка?

– Называй меня просто, как прежде, Мигель! Хорошо?

– Как прикажешь Сапа-Инка..., Мигель.

Когда они вернулись в пещеру – Матео, Хуанита и Хосе опять упали на колени и склонили в покорности головы.

Мигель не стал больше распространяться о необходимости перехода на другую сторону стены, а просто приказал им встать, взяться за руки и закрыть глаза.

Держа одной рукой Марию, а другой Хосе, оказавшимся первым в цепочке, он вновь шагнул сквозь стену...

Оказавшись в проходе, по другую сторону стены, он попросил всех открыть глаза.

Удивлённые и ещё более напуганные, Хуанита, Матео и Хосе смотрели на Мигеля подбострастными, обожающими взглядами, и готовы были вновь упасть на колени, но он строго приказал им больше этого не делать никогда.

Когда они немного успокоились и уже стали украдкой посматривать по сторонам, он двинулся по коридору в сторону понравившейся ему хижины.

Хосе ещё не вышел из детского возраста, поэтому менее всех подверженный страху и поклонению, от любопытства крутил головой во все стороны, и готов был умчаться вперёд. Но выросший и воспитанный в индейской семье, он сдерживал свои эмоции, стараясь не показать своего восторга и восхищения происходившими волшебными событиями.

Когда группа поднялась по лестнице к входной двери в корабль и она открылась, хотя все они были Мигелем заранее несколько раз предупреждены о наличии голоса, услышав его, они вновь испытали страх.

Лица их побледнели и они, как и при виде Мигеля выходящего из стены, упали на колени и, бормоча: «Сапа-Инка пощади нас!», накрыли головы руками.

Мигелю стоило большого труда поднять их с пола и заставить идти за ним.

Проведя односельчан по входному шлюзу (Мигель вспомнил название первого коридора), он открыл следующую дверь, и повёл их на четвёртый ярус. Его друзья, следуя за ним, восхищённо цокали языками и с опаской заглядывали в отверстия трубы, но всё же, держась за руки словно малые дети, боялись хоть на шаг отстать от Мигеля.

Ну, что за народ такой отсталый! – возмущался в душе Мигель, таща за собой хвост из четырёх человек. А ведь все молодые, не считая Матео, и книги в руках держали. Когда же они перестанут шарахаться от каждого, хоть чуть-чуть непонятного явления в жизни? На планете уже идёт одиннадцатый век, а они...

Тут он вспомнил своё вчерашнее поведение и страх, страх всюду сопровождавший его по стопам, и ему стало стыдно. Чем он лучше своих односельчан? Он также как и они, при каждом шорохе пугался, с опаской прикасался к неизвестным ему предметам, а от голоса во входном шлюзе, вообще скатился с лестницы. И, если быть честным до конца, чуть в штаны не наделал.

Наконец они поднялись на четвёртый ярус. Мигель показал им, как открывать дверь, и они вошли в жилое помещение. Их удивлению и восторгу не было предела, а Хосе настолько осмелел, что сев на лежак, даже несколько раз подпрыгнул на нём:

– Какой мягкий и красивый! – восхищаясь, воскликнул он. А помещение..., я остаюсь здесь жить! Ты позволишь мне Сапа-Инка?

– Да, но ты будешь здесь жить не один, а с Матео.

– Согласен! Согласен! – радостно согласился мальчишка, и бросился рассматривать тумбочку с пультом.

Испугавшись, что Хосе начнёт нажимать кнопки на пульте, и от этого беспорядочного, неумелого нажимания произойдёт какая-нибудь неприятность, Мигель поспешно предупредил мальчишку: «Только ты, пожалуйста, ничего там не нажимай и даже руками не прикасайся, а то будешь наказан!» Затем, оглядев стоящих с ним рядом друзей, добавил: «Этот запрет касается всех! Я накладываю на это сооружение табу!»

Хосе, словно обожжённый пламенем костра, быстро отскочил от тумбочки.

В следующее помещение он поместил Хуаниту. Открыл шкаф и показал ей одежду.

Мария, и он сам, разместились в помещении рядом.

Восхищённая всем увиденным и счастливая, Мария бросилась к Мигелю, прижалась к нему, и горячо зашептала:

– Какой ты великий и могучий Сапа-Инка! Какая у тебя большая и красивая хижина!

– Мария! Я же просил не называть меня Сапа-Инка.

– Ооо! Сапа-Инка! Прости меня, глупую! Не наказывай!

И, упав на колени, она прижалась к его ногам.

– Вставай, вставай, глупышка!

Но она ещё крепче прижалась, и слёзы, величиной с небольшое кукурузное зерно, полились из её глаз.

– Мигель! Я ничего не могу с собой поделать. Я так люблю тебя, так люблю!

– Ну, успокойся, Мария, – произнёс он мягким голосом, поднимая её с колен.

А сам, тяжёло вздохнув, подумал – сколько ещё пройдёт времени, пока они все поймут, что никакой я не Сапа-Инка, а обыкновенный, такой же, как все они..., как она, Мария, человек...

* * *

Всю ночь в помещении было светло, как днём, и Мигель с трудом смог уснуть. Плохо выспавшись, он, чтобы не разбудить Марию, тихо поднялся и, стараясь как можно меньше шуметь, вышел на площадку.

Каково же было его удивление, когда он увидел, что все уже собрались, полностью одетые и тихо разговаривая, нетерпеливо посматривали в его сторону.

Поняв, что после сна он ещё плохо соображает, Хуанита, упав на колени и простёрши к нему руки, умоляющим голосом заговорила:

– Сапа-Инка, Мигель, умоляю тебя, выведи нас из своей хижины! Позволь нам как можно быстрее вернуться в пещеру!

Мигель, ничего не понимающим взглядом посмотрел на неё, а потом до него дошла пикантность ситуации...

Быстро вернувшись в каюту (ещё вечером, перед сном, он вспомнил название таких жилых помещений), разбудил сладко посапывающую во сне Марию и, накинув на неё пончо, ещё сонную, за руку вывел из каюты, и стал быстро спускаться вниз. Остальные, как каменный обвал в горах, посыпались за ним.

Подойдя к стене они, уже не бледнея и не трясясь от страха, только закрыв глаза, ринулись сквозь стену.

Вот, что может сделать матушка-природа там, где не может справиться человек, с лёгкой иронией подумал Мигель.

* * *

Умывшись и позавтракав, Мигель оставил односельчан заниматься своими делами, а сам, прихватив арбалет с оставшимися тремя стрелами, отправился на охоту.

В это утро он, осторожно шагая между деревьями, забрёл, сам того не заметив, в совершенно незнакомое место.

Решив подняться выше, к видневшимся впереди нагромождениям огромных скал, он оказался на высоте вторичных плоскогорий. Здесь трава ещё боролась с камнями, пробиваясь между ними.

Нагромождённые друг на друга утёсы, казалось, вот-вот обрушатся, но вопреки законам природы, они почему-то не скатывались вниз.

Мигель осторожно карабкался, и постоянно оглядывая, насколько возможно, местность, поднялся уже достаточно высоко. И тут, совершенно неожиданно, заметил на небольшой полянке, огороженной скалами, и имеющей лишь один выход, небольшое животное. Присмот-

ревшись внимательнее, он узнал его – это был Гуанако, самый настоящий Гуанако: очень красивое животное. У него была маленькая изящная головка, длинные тонкие ноги, и коричневатого цвета шерсть, с белыми пятнами на брюхе...

Охотничий азарт завладел Мигелем. Стараясь ползти бесшумно он, поминутно прячась за любым выступом, подползал всё ближе и ближе.

Животное, не отвлекаясь ни на что, не обращая внимания на окружавшие его скалы, спокойно поедало чуть пожухлую траву.

Мигелю оставалось продвинуться ещё ярдов на двадцать-тридцать, и можно было бы спокойно прицелиться, но Гуанако, что-то услышал, или почувствовал. Оторвавшись от поедания травы, он поднял красивую голову, и стал прислушиваться.

Мигель, застыв, вжался в скалу и затаил дыхание. Жаль было терять такую добычу. В их Тольдерии редкий охотник мог похвастаться подобным трофеем, и Мигель, чтобы не упустить добычу, лежал минут пятнадцать, не шевелясь и почти не дыша.

Вероятно, больше ни что не тревожило слух чуткого животного, и оно вновь наклонило голову к траве.

Мигель, извиваясь словно змея, бесшумно и быстро заскользил среди нагромождения камней. Перегородив единственный выход из поляны, он приготовился стрелять. Услышав щелчок взводимого курка, Гуанако светло-коричневой молнией метнулся к выходу, но опоздал на какие-то доли секунды!

Прозвучал щелчок спускового крючка, стрела запев, вылетела из арбалета, и гуанако, сражённый наповал, перекувырнувшись в воздухе пару раз, упал к ногам меткого охотника.

Взвалив редкую добычу на плечо, Мигель, пошатываясь от её тяжести, отправился в обратный путь.

Он представил себе, сколько радости доставит друзьям этим вкусным, сочным мясом, и довольно улыбнулся.

Ничего, стал мечтать он, всё будет хорошо. В таком корабле можно жить припеваючи. Сейчас серьёзен только один вопрос – питание. Но мы его уж как-нибудь решим. Матео почти поправился. А двое взрослых мужчин – это двое взрослых мужчин! Прокормимся!

Всё оставшееся мясо Гуанако, а его осталось ещё очень много, решили завялить – этим занялись девушки.

Мужчины же занялись мужской работой – заготовкой дров на случай плохой погоды. Хосе, оставшийся без ножа, им сейчас пользовались девушки, охпками носил дрова, нарубленные Мигелем, а Матео, ещё не совсем поправившийся, складывал их поленицей у входа в пещеру.

Всё это время Мигель был вместе со всеми – помогал разделять Гуанако, ел и пил то же, что и все, и как простой деревенский парень, махал мачете, заготавливая дрова.

Провозившись до вечера, уставшие и довольные проделанной работой, они вернулись на корабль.

На радость Мигеля, проход сквозь стену не составил труда. Его друзья, как и прежде, соблюдали вежливость обращения к нему, называли Сапа-Инкой, но уже не бледнели, когда он обращался к ним, и в их глазах почти растаял страх.

Ложась спать, Мария попросила Мигеля потушить свет. Он растерялся, не зная, как выполнить её просьбу. Ему он тоже уже порядком надоел. Одно дело, когда ты занимаешься какой-нибудь работой, другое – не спать же при свете. Для сна Боги придумали ночь, луну и звёзды в небе.

Может, корабль тоже творение Богов, подумал он? Называет же его голос Турикуком, то есть, как-бы посланцем Сапа-Инки на земле. И, с беспокойством ожидая ответа на свои слова, произнёс: «Корабль, оставь нас без света!»

Он даже не ожидал, что его голос кто-то услышит, а тем более подчинится, и вздрогнул, когда свет погас, и теперь уже привычно-знакомый голос произнёс: « Приятных сновидений, Турикук!»

Мария же, резво сев в постели, от страха прижавшись к Мигелю, прошептала:

– Сапа-Инка, Мигель, здесь кто-то есть? Прогони его, пожалуйста!

– Не беспокойся, радость моя! Здесь никого нет, – сказал Мигель и, успокаивая, погладил её по голове. Я же рядом с тобой.

* * *

Следующий день, прямо с утра, они решили посвятить осмотру хижины-корабля. Наверное, больше всех такому решению был рад Хосе. Начали осмотр в обратном направлении, от кают (Мигель заставил так называть все помещения), сверху, до самого выхода из выходного шлюза.

Ещё одно новое слово, которое попросил своих односельчан запомнить Мигель. Он решил, постепенно вспоминая то, о чём вечерами рассказывал ему дед, передать своим друзьям, научить их новым словам.

За целый день, не считая небольших перерывов, они успели осмотреть едва ли четверть помещений. Он даже не ожидал, что корабль так огромен. Их осмотр или, вернее, знакомство с ним оказалось не бесполезным – они нашли хозяйственное помещение с огромным набором ножей, ложек и каких то маленьких, с тремя и четырьмя зубцами, железок.

Сколько Мигель ни напрягал память – для чего они предназначены и как называются – он так и не вспомнил.

А ещё, чему особенно обрадовались девушки, так это, конечно же, посуде. На полках стояло огромное количество разной блестящей утвари, начиная от маленьких чашек, и кончая большими котлами с крышками, вместимостью никак не меньше десяти, а может даже пятнадцати пинт. Но, что потрясло их окончательно – каждая чашка, каждый котёл были при помощи цепочек пристёгнуты к полкам.

Они удивлённо смотрели на посуду, и никак не могли понять, зачем её привязывать, если она и так не падает?

Хосе постоянно вертелся под ногами и везде совал свой нос. Нечаянно что-то задев или надавив на какой-то рычажок он, сам того не ведая, спас всю команду (ещё одно новое слово в их лексиконе), от возможной голодной смерти и жажды.

В холодном, словно оно было вырублено среди ледников, огромном помещении, находилось множество мешков с кукурузой, вяленным мясом, сухими маисовыми лепёшками, и ещё с разными-разными продуктами, которых они в своей жизни никогда не видели. Там же, под полками стояли огромные банки с жидкостью.

Открыв одну из них и понюхав, а затем попробовав на язык, они поняли – в банках вода, только чуть кислотная на вкус. Но что удивительнее всего, она не имела постороннего запаха, и была почти совсем свежей.

Сделав по паре глотков, «команда» полностью утолила начавшую мучить их жажду.

Эта находка была для них ценнее любых других, потому что она была понятна для них и очень желанна. Мигель прикинул в уме, если расходовать продукты экономно, их хватит лет на десять, а может быть и больше.

Следующее помещение окончательно сразило их воображение. Оно блистало чистотой и белизной. Стоящий посередине длинный стол был сделан из какого-то сероватого камня с тёмными прожилками, а над ним висел огромный, круглый, чуть вогнутый блестящий диск. Мигель решил, что это какой-то сплав из меди, отполированный до такой степени, что на него, как на солнце, было больно смотреть.

В правом углу помещения стояло мягкое, наклонное кресло, а вокруг него расположились на маленьких столиках и просто на одноногих подставках различные приборы с резиновыми трубками и блестящими инструментами.

Всё помещение освещалось голубоватым светом, но когда Мария громко пожаловалась Мигелю, что при таком освещении сложно, что-нибудь хорошо рассмотреть, помещение мгновенно осветилось ярким белым светом, до того ярким, что в первое мгновение они даже ослепли, и испугавшись, присели.

Постепенно глаза привыкли, к яркому свету, и они смогли продолжить осмотр.

Одну из стен были встроены небольшие ящички, и в них аккуратными связками расположились совершенно мелкие блестящие инструменты. На противоположной стене, за прозрачной загородкой, в таких же и более мелких ящичках, лежало огромное количество разнообразных порошков и каких-то мелких, разноцветных круглых и продолговатых предметов. Все ящички были снабжены надписями на кечуа.

Мигель сумел прочесть несколько из них и поразился. Здесь, оказывается, были порошки от головной боли, от живота, от ломоты в костях и ещё сотни различных болезней.

У Хосе глаза лихорадочно блестели от вида всех этих блестящих инструментов, а руки так и норовили что-нибудь схватить, пощупать и осмотреть. Видя его состояние, Мигель решил на крайнюю меру: пока в понимании этих людей он был представителем Бога на земле, он мог запретить им любые действия. И он, в душе понимая, что это несправедливо по отношению к ним, всё-таки решил на эту крайнюю меру.

Приняв строгий вид и посмотрев каждому в глаза, он запретил входить в это помещение всем без исключения, а чтобы хоть немного смягчить свой запрет, пообещал в свободное время учить их говорить на этом старинном наречии. А пока, сказал он, и он опять строго посмотрел на односельчан, на это помещение я накладываю «Табу!» Сюда входить могу только я! Всем понятно!

Напуганные его холодным взглядом и строгим голосом, они покорно опустили головы.

Слава Сапа-Инке, хоть падать на колени я их отучил! – порадовался Мигель.

Следующее помещение, которое решил им показать Мигель, было помещение со скафандрами. Минувя третий ярус, он спустился по лестнице вниз, к самому входу в шлюз и, приложив ладонь к выемке в стене, открыл дверь. Смело шагнув в помещение, он приказал включить свет. Зашедшие за ним товарищи, издав крик ужаса, бросились вон из коридора.

Будь Мигель в этом помещении впервые, он бы тоже, наверное, как и они, вылетел бы стрелой вон. Да и кто бы не испугался, впервые увидев таких монстров? Но он-то уже был здесь и всё это видел, поэтому, обратившись к товарищам с успокоительными словами, он попросил их не пугаться и войти.

Сельчане, боязливо прячась друг за друга, медленно, очень медленно перемещаясь короткими шагами в сторону скафандров, с широко открытыми от страха и любопытства глазами, снова вошли в помещение. Остановившись за спиной Мигеля – напрягшиеся, готовые мгновенно убраться от греха подальше, они с нескрываемым любопытством стали приглядываться к непонятным монстрам. Их несколько успокаивало то, что Мигель, их Сапа-Инка, был рядом с ними, и вероятно по этой причине монстры не осмеливались напасть на них.

Вот идиот! – молчаливо потеряв ухо, ругнул себя Мигель. Око-Пака, опять я опростоволосился! Надо было вначале рассказать им всё, подготовить, а потом уж открывать дверь. Но откуда же я знал, что они вообще книг не читали, и не имеют ни малейшего представления о кораблях, скафандрах и прочих новшествах на земле!

Помоги мне Инти научить их всему, что я сам знаю, чему так настойчиво учил меня дед.

Первой осмелела Мария. Делая шаг за шагом, она подошла к шкафам со скафандрами и стала рассматривать их. Так это не люди, прошептала она. Это просто одежда. И повторила уже смелее и громче – это просто... такая... странная одежда!

Услышав её слова, другие тоже подтянулись к шкафам и стали рассматривать их.

Хосе, как самый молодой и темпераментный, тут же закричал: «Чур, я первый буду примерять! Мигель можно я прямо сейчас надену и буду в ней ходить? Мне она очень понравилась. Мария, тебе она тоже нравится, да?»

Пришлось Мигелю несколько охладить пыл мальчишки:

– Это костюм для хождения под водой, а где ты видишь здесь озеро или воду? Так что придётся тебе повременить.

Мальчишка обиделся на запрещение сейчас же примерить на себя такую удивительную одежду, и от обиды у него даже подбородок задрожал, а из глаз его готовы были брызнуть слёзы...

– Хосе, как только появится возможность, – попыталась успокоить его сестра, Мигель тебе первому, раз ты так хочешь, разрешит надеть этот костюм и, повернувшись к Мигелю, спросила:

– Ведь, правда, Мигель?

– Конечно! Никто не посмеет отнять у тебя первенство. Кстати, этот костюм называется скафандром. Запомнишь?

– Даа, – и повернувшись к Мигелю сразу посветлевшим лицом, он благодарно улыбнулся.

Матео и Хуанита, не произнеся ни слова, переглянулись и, скрывая улыбки, подтвердили, что они на первенство не претендуют и, как только представится возможность, они же первыми помогут ему надеть эту..., замявшись – они забыли название, этот..., эту одежду воина.

На этом, несколько юмористический эпизод со скафандрами, закончился. Закончилась и экскурсия по кораблю.

Выйдя из корабля, направились в пещеру. Впереди всех, что-то напевая себе под нос, мчался Хосе. Мигель и Мария, посмотрев вслед мчавшемуся к заколдованной стене мальчишке, переглянулись, и весело рассмеявшись, поспешили за ним.

Следующий день команда решила посвятить отдыху. Воспользовавшись кухонной утварью найденной в хижине Сапа-Инки Мигеля, они отварили мясо Гуанако и картофель.

Макая сухие маисовые лепёшки в крепкий мясной отвар и, положив на них по куску мяса, с наслаждением жевали «пищу Богов».

Потом, вскипятив принесённую из ручья воду, и положив в неё собранную Хуанитой траву, заварили крепкий, душистый чай.

Этот день был самым счастливым днём в их тридцатидневной жизни в пещере.

Горячее варёное мясо с лепёшками и запашистый чай, нежно ласкали желудок и душу.

Наевшись мяса с картофелем и маисовыми лепёшками, напившись горячего чаю, Хуанита высказала мысль, что при таком питании она готова остаться здесь навсегда и, всплакнув, добавила, если бы рядом был Игнасио.

Товарищи молчаливо согласились с ней.

После еды немного отдохнули, а потом каждый занялся своим делом. Хосе пошёл бродить по кораблю, девушки уселись поболтать о своём, девичьем, а Матео, сославшись, что у него заныла нога, пошёл вздремнуть в каюту.

* * *

Только Мигель почему-то не находил себе места. Его тревожили предчувствия. Даже не совсем предчувствия, а что-то непонятное. Его неудержимо влекло в корабль. Даже не в сам корабль, а в то помещение, где он впервые увидел звёздную карту. Казалось, она приворожила его к себе, заставляя всё время помнить о ней. Ему хотелось пройтись взглядом, по разноцветным линиям, проложенным между звёздами и понять, что же они на самом деле такое?

Не выдержав, он, прыгая через две ступеньки, поднялся наверх. Его, как и в прошлый раз, приветствовал «голос».

Подойдя к карте, он долго и внимательно рассматривал её. Пытался разобраться в названиях звёзд и галактик, а затем, пальцем проводя по случайно выбранным линиям, заметил, что они становятся ярче, выпуклее, казалось, они наливаются ярким огнём.

Провозившись с картой до головной боли, он решил немного передохнуть, дать возможность глазам отдохнуть от напряжения.

Проведя взглядом по стенам помещения, он заметил, что в них, также как и в помещении со столом и лекарствами, встроены различной величины ящички.

Открывая один за другим, он находил в них лишь какие-то, выделанные из кожи до толщины пергамента, свёрнутые в рулоны листы. Взяв первый попавшийся рулон, он осторожно развернул его и стал рассматривать.

Наверное, сам Сапа-Инка помог ему. На листе был нарисован корабль, формой напоминающий американскую сигару. Он видел её в зубах одного торговца, привёзшего товар на продажу и обмен.

Внутри эта сигара была разделена тонкими линиями на квадраты и прямоугольники с написанными внутри цифрами. А сбоку шли те же цифры, но только по порядку, и напротив каждой цифры шло пояснение.

Наверху сигары стояла цифра один. А в столбце с пояснениями он прочитал – место Турикука. и в скобках – командирская рубка.

Ткнув пальцем чуть ниже, он увидел четвёрку, а в пояснении – жилая каюта. Так это план корабля, восхитился он. Ну-ка, ну-ка! – и он нашел ниже жилого помещения цифру семь, и угадал! В пояснении цифре семь соответствовал кухонный блок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.